КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

КОРНИЕНКО ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА

УДК 821.161.1. 343:06

ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОПОЭТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА

10. 01. 02 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Киев – 2007

Диссертацией является рукопись.
Работа выполнена на кафедре истории русской литературы Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор
Мережинская Анна Юрьевна,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко, Институт филологии,
заведующая кафедрой истории русской литературы

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Московкина Ирина Ивановна,
Харьковский национальный университет
имени В.Н.Каразина,
заведующая кафедрой истории русской литературы

доктор филологических наук, профессор
Кеба Александр Владимирович,
Каменец-Подольский государственный университет,
проректор по научной работе, заведующий кафедрой
германских языков и зарубежной литературы

доктор филологических наук, профессор
Нямцу Анатолий Евгеньевич,
Черновицкий национальный университет
имени Юрия Федьковича, заведующий кафедрой
славянской филологии
и сравнительного литературоведения

Ведущая организация – Полтавский государственный педагогический университет имени В.Г.Короленко, кафедра зарубежной литературы, Министерство образования и науки Украины, г. Полтава

Защита состоится «___»_____2007 года в____часов на заседании специализированного ученого совета Д 26.001.39 при Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко (01030, г. Киев, бульвар Тараса Шевченко, 14).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени М.А.Максимовича Киевского национального университета имени Тараса Шевченко по адресу: 01033, г. Киев, ул. Владимирская, 58.

Автореферат разослан «__» _____ 2007 года.

Ученый секретарь
специализированного совета ——— Н. М. Гаевская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современное литературоведение, активно осмысливая достижения художественной словесности XX века, демонстрирует широкий спектр поднимаемых проблем и аспектов их освещения. Основными векторами научных поисков, посвященных русской литературе минувшего столетия, являются исследования: теоретических моделей (Н.Л.Лейдерман, М.Н.Липовецкий, Л.П.Кременцов, М.М.Голубков, Ю.И.Минералов, Л.И.Шевченко и др.); художественных систем и отдельных периодов в контексте переходных культурных эпох (В.А.Келдыш, А.Ю.Мережинская, И.И.Московкина, О.В.Червинская, В.И.Силантьева и др.); типов эстетического сознания, проявившихся в русской литературе на этом этапе (В.И.Тюпа, С.Г.Семенова, В.В.Заманская и др.); жанрово-стилевого развития (Н.Д.Тамарченко, Е.Б.Скороспелова, Г.Л.Нефагина, И.С.Скоропанова, Ю.И.Корзов, О.Н.Николенко, Л.К.Оляндэр, К.Кларк, Х.Гюнтер, Д.Браун, Э.Симонс и др.); типологических связей с мировой и национальными литературами, фольклором (И.П.Смирнов, Л.Ф.Киселева, Д.С.Наливайко, А.Е.Нямцу, А.В.Кеба, В.Д.Наривская, И.С.Заярная и др.). Проблему функционирования мифопоэтической парадигмы русской литературы указанного периода нельзя отнести к наиболее изученной сфере, в связи с чем она остается по-прежнему насущной.

Одной из характерных особенностей литературы XX века выступает усиление мифотворческого импульса, что позволяет ученым усматривать в искусстве художественного слова феномен *неомифологизма* (Е.М.Мелетинский, З.Г.Минц, Ю.М.Лотман и др.). Среди причин повышенного интереса к мифу называются: расшатывание базовых онтологических и эпистемологических представлений (Е.М.Мелетинский), усиление идеологизации общественного сознания (Р.Барт), попытки осмысления кризисных переходных эпох через обращение к устойчивым вечным универсалиям (А.Ю.Мережинская), поиски опоры в традиционных образах и ориентирах (А.Е.Нямцу). Грандиозная смена картины мира, произошедшая в минувшем столетии, во многом обусловила обращение к универсальным парадигмам человеческой культуры, активизацию мифотворческих процессов, сопряженных с имманентными законами развития искусства, периодической актуализацией художественного и мировоззренческого опыта предшествующих эпох, динамикой стилей. Безусловно, нужно говорить о комплексе причин, вызвавших активное мифологизирование, но его особенности и составляющие до сих пор изучены недостаточно.

Учитывая диалектику всеобщего и национального в развитии культуры, разделяя мнение, что «...именно национальная специфичность конкретной версии общеизвестного материала глубже и разностороннее выявляет его универсальный контекст, позволяет увидеть в конкретном всеобщее и наоборот»[1], считаем, что исследование стратегий и тенденций мифологизирования в русской литературе XX века способствует, с одной стороны, осмыслению проблем функционирования

---

[1] Нямцу А.Е. Легендарно-мифологические структуры в славянских и западноевропейских литературах. – Черновцы: Рута, 2001. – С.10.

мифологического модуса в мировой культуре вообще, с другой стороны, позволяет углубить представление о характерных особенностях развития мифопоэтического в истории национальной литературы, следовательно, расширяет осознание ее своеобразия.

По наблюдению Е.М.Мелетинского, пафос мифологизма XX в. заключается «в выявлении неких неизменных, вечных начал, просвечивающих сквозь поток эмпирического быта и исторических изменений»[2]. Разделяя мнение А.Ю.Мережинской, что в русской литературе минувшей эпохи тяготение к мифу наблюдается как в начале XX века, так и в 30–60-е годы, в конце столетия, «при этом каждый период приобретает свою специфику, отражает свои грани мифоцентричности»[3], считаем актуальным изучение процессов мифологизирования, происходивших именно в 1930-е годы, – одном из драматичных этапов развития в истории искусства художественного слова. Он характеризуется целым рядом размежеваний: усиливающимся расхождением путей развития литературы метрополии и зарубежья; противопоставлением «официальной» и «неофициальной», «запрещенной» литератур; несовпадением эстетических установок соцреализма и модернизма, а также реализма, ориентированного на классические образцы; сменой литературных поколений и др. И в то же время литература данного периода являет собой единство, сцементированное общими тенденциями, среди которых мифологизирование представляется одной из доминантных, моделирующих целостность литературного развития и характеризующих творческие поиски писателей различного идеологического, эстетического, мировоззренческого выбора. В связи с этим мифологизирование может стать критерием рассмотрения литературного процесса.

Поскольку наиболее кризисные моменты общественно-исторического развития стимулируют обращение к универсальному опыту духовной практики человечества, контаминированному в мифе, постольку интерес к изучению процессов мифологизирования в литературе именно 1930-х годов выступает вполне закономерным.

Актуальность работы вызвана необходимостью комплексного и целостного исследования мифопоэтического модуса русской литературы метрополии и диаспоры 30-х годов XX века, осмысления многовекторных процессов мифологизирования в их динамике. Кроме того актуальность также обусловлена:

– потребностью переосмысления явлений литературы, до недавнего времени рассматриваемых с узко идеологических позиций, целесообразностью выдвижения эстетического подхода при анализе литературного наследия;

– отсутствием в русистике специальных работ, посвященных целенаправленному изучению особенностей мифоцентричности, генезиса и трансформаций мифопоэтических парадигм в русской прозе 1930-х годов;

---

[2] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 2000. – С.295.

[3] Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80-90-х годов XX века. – К.: ИПЦ Киевский университет, 2001. – С.194.

– продуктивностью выявления семантики и структуры мифокомплексов социалистически ориентированной литературы и произведений, сопряженных с модернистским и реалистическим типами творчества;

– задачами определения основных стратегий и тенденций мифологизирования в прозе данного периода в контексте литературного развития.

Связь с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнялось на кафедре истории русской литературы Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко в рамках комплексной научно-исследовательской темы «Развитие и взаимодействие языков и литератур в условиях глобализации» (06 БФ 044-01).

Цель диссертации – системный анализ генезиса и трансформации мифопоэтических парадигм в многовекторных эстетических потоках русской прозы 30-х годов XX века, являющих феномен мифоцентричности.

Реализация данной цели предусматривает решение следующих **задач:**

1) обобщив и систематизировав различные подходы литературоведческой и философской мысли:

– обозначить ключевые факторы, обусловливающие в истории искусства континуальность мифа и неиссякаемость мифотворчества;

– выявить основные типологические модели осмысления проблемы бытия мифологического модуса в динамике культуры;

– предложить комплексную классификацию мифопоэтических моделей, учитывая разнообразные критерии их вычленения и систематизации;

2) рассмотреть закономерности функционирования и своеобразие мифопоэтического модуса русской прозы 1930-х годов в контексте мифоцентричных тенденций и неомифологизма культуры в целом;

3) определить мифологический код русской прозы метрополии и диаспоры указанного периода;

4) на основе изучения срезов мифологизирующих потоков прозы, установить основные стратегии и тенденции мифологизации, отражающих одну из граней специфики художественного развития литературы рассматриваемой эпохи;

5) исследовать характерные доминантно-репрезентативные мифопоэтические модели, очерчивая их генезис и динамику: семантико-структурные модификации и трансформации в сопряжении с эстетическими исканиями литературы 30-х годов прошлого века;

6) прослеживая семантику и структуру мифопоэтических парадигм различных рядов (сюжетов, мотивов, символов, архетипических комплексов, моделируемого пространства и т.д.), охарактеризовать технологию креации индивидуально-авторских мифов, специфику мифотворчества писателей;

7) описать поэтику мифологизирования, базируясь на тщательном разборе мифокомплексов прозаических произведений 1930-х годов эстетически разнонаправленных художников;

8) исходя из литературоведческого анализа художественных структур, выявляя аксиологическую систему авторской интенциональности, предложить некоторые уточнения и корректировки интерпретаций, бытующих в научной

рецепции, касающихся определенных идейно-эстетических контекстов произведений.

Объект исследования - явления мифоцентричности в литературе, генезис и модификации мифопоэтической парадигматики, стратегии и тенденции мифологизирования в русской прозе метрополии и диаспоры, взятые в наиболее репрезентативных срезах разнонаправленных стилевых потоков и эстетических поисков писателей 30-х годов XX века, которые убедительно демонстрируют процессы мифотворческого космогенеза, в частности, произведения А.П.Платонова, М.А.Булгакова, Г.В.Иванова, М.А.Алданова, В.С.Яновского, Б.Ю.Поплавского. В целях выявления общих тенденций мифологизирования автор обращается также к творчеству М.Горького, М.А.Шолохова, К.Г.Паустовского, И.А.Бунина, А.И.Куприна, Б.К.Зайцева, И.С.Шмелева, В.В.Набокова, Г.И.Газданова и др.

Предмет исследования – семантика и структура репрезентативных мифопоэтических моделей и их трансформации, механизм креации и специфика индивидуально-авторских мифов, функционирование архетипических доминант, мифопоэтических образов и мотивов, пространственных и временных парадигм, прослеживаемых в непосредственном соотношении с аксиологическими системами авторских интенций.

Методы исследования. Для реализации поставленных целей и задач применен методологический принцип, базирующийся на синтезе генетического, сравнительно-исторического, структурно-семиотического и типологического подходов, в комплексе позволяющих осмыслить функционирование мифопоэтической парадигмы в художественной литературе.

Теоретико-методологическую основу диссертации составляют работы: а) по теории мифа Е.М.Мелетинского, М.Элиаде, О.М.Фрейденберг, А.Ф.Лосева, С.С.Аверинцева и др.; б) исторической поэтике А.Н.Веселовского, А.А.Потебни, Ф.И.Буслаева и др.; в) мифопоэтике В.Н.Топорова, А.Е.Нямцу, А.С.Киченко, И.М.Зварича, А.Б.Холодова и др.; г) работы по семиотике культуры Ю.М.Лотмана; д) историко-литературные и теоретические работы, посвященные русской литературе XX века З.Г.Минц, С.Г.Семеновой, Е.Б.Скороспеловой, А.Ю.Мережинской, Л.И.Шевченко и др.

Научная новизна диссертации, обусловленная актуальностью, целью и задачами исследования, состоит в том, что в ней впервые:

1) рассмотрена семантико-структурная и функциональная специфика, стратегии и тенденции мифологизирования на основе комплексного изучения срезов разновекторных мифотворческих потоков прозы метрополии и диаспоры 30-х годов XX столетия, что, в свою очередь, углубляет представления о художественном своеобразии литературы рассматриваемого периода в динамике ее развития. В предшествующих работах очерченная проблема комплексно и целенаправленно не изучалась, а рассматривалась либо в контексте анализа отдельных элементов мифопоэтических явлений, обнаруживаемых в творчестве того или иного автора, либо очерчивалась в широких рамках постановки проблемы мифоцентричности культуры всей эпохи XX века, либо ограничивалась обозначением факторов мифологизации определенной стилевой системы;

2) предложена классификация базовых мифопоэтических моделей, учитывающая различные критерии их систематизации;

3) в соотношении с динамикой эстетических поисков, наблюдаемых в искусстве 30-х годов XX века, системно охарактеризованы основные комплексы доминантно-репрезентативных мифопоэтических моделей, их структурно-семантические модификации и трансформации;

4) на основе осмысления технологии и поэтики креации мифологизированной текстовой действительности расширено представление о специфике мифотворческого космогенеза как в литературе рассматриваемого периода в целом, так и в создаваемых индивидуально-авторских системах в частности;

5) выявлены сходства и различия векторов и ориентиров мифологизирования в литературе метрополии и зарубежья 1930-х годов;

6) доказано функционирование определенных мифопоэтических структур и принципов моделирования, ранее не находивших освещения в научной рецепции творчества известных писателей (специфика моделирования семантики «возможных миров» в прозе М.А.Булгакова и А.П.Платонова, значение и особенности мифопоэтической символики в романе-мифе М.А.Булгакова, структурирующая функция китежского мифокомплекса в романе-мифе А.П.Платонова, художественное переосмысление атомарной теории в «Распаде атома» Г.В.Иванова, последовательная деконструкция модели преображения в романе В.С.Яновского, переосмысление ницшеанского мифокомплекса в прозе Б.Ю.Поплавского и т.д.);

7) исходя из анализа художественных структур, сопряженного с рассмотрением аксиологической проекции авторской интенциональности, предложены некоторые уточнения и корректировки интерпретаций, касающихся определенных идейно-эстетических контекстов произведений;

8) выявлены основные параметры мифологического кода русской прозы 30-х годов XX века.

Практическое значение полученных результатов заключается в возможности их использования в историко-литературных и теоретических исследованиях мифопоэтических процессов в литературе, а также при чтении общих и специальных лекционных курсов по истории русской литературы XX века, проведении спецсеминаров, подготовке дипломных и курсовых работ, написании пособий, посвященных изучению мифоцентричности литературы и мифотворчеству конкретных писателей.

Личный вклад соискателя. Диссертация является самостоятельным исследованием. Полученные результаты и выводы сформулированы непосредственно автором.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и одобрена на заседании кафедры истории русской литературы Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Основную концепцию, теоретические положения и результаты исследования изложены в докладах на международных конференциях: «Русская литература на пороге третьего тысячелетия. Итоги развития и перспективы изучения» (Киев, 2000); «XX век в зеркале литературы и культуры» (Херсон, 2001); «Лев Толстой и проблемы мировой

культуры» (Киев, 2003); «Литература в контексте культуры» (Днепропетровск, 2004; 2005); «Христианство и литература: Проблемы взаимодействия в общекультурном контексте» (Херсон, 2004); «Традиции Харьковской лингвистической школы в свете актуальных проблем современной филологии. К 200-летию Харьковского университета и филологического факультета» (Харьков, 2004); «Филология в Киевском университете: история и современность (к 200-летию со дня рождения М.А.Максимовича)» (Киев, 2004); «Языки и литература народов мира в контексте глобализации» (Киев, 2005); «Литературная герменевтика и рецептивная теория в современном научном контексте» (Черновцы, 2006); Отчетно-научных конференциях Национального педагогического университета имени М.П.Драгоманова (Киев, 2004; 2007); IV Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания в школе и вузе» (Киев, 2006).

Публикации. Основные положения диссертации изложены в монографии «Мифопоэтическая парадигма русской прозы 30-х годов XX века: Векторы эстетического поиска в литературе метрополии и зарубежья» (К., 2006. – 332 с.) и статьях (более 20), опубликованных в специальных изданиях, утвержденных в перечне ВАК Украины.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех разделов, выводов и списка использованной литературы (460 наименований). Объем диссертации – 410 страниц компьютерного набора, из них – 365 страницы основного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **«Введении»** обоснована актуальность темы, сформулированы цель и задачи исследования, выделены объект и предмет рассмотрения, обозначен основной понятийный аппарат диссертации, очерчена ее научная новизна, теоретико-методологическая база и практическое значение работы.

Раздел первый – «Основные подходы к изучению мифологического модуса в динамике культуры» – посвящен анализу функционирования мифа в «постмифические» эпохи и выявлению типологических схем осмысления его роли в развитии культуры, в частности литературы.

I.1. ***«Генезис и функционирование мифологического модуса в диахронном и синхронном аспектах развития культуры».***

Изучение философской и литературоведческой мысли, затрагивающей проблему мифа, позволило автору диссертации обнаружить схемы линеарного и циклического типа в осмыслении бытия мифологического модуса в динамике культуры.

Концепции линеарного типа, опирающиеся на идеи эволюции и прогресса, относят миф к безвозвратно ушедшей стадии человеческого развития (марксистские построения), к «пережиткам» (Э.Тайлор и последователи). В контексте линеаризма литературный процесс предстает как поступательная смена эпох, направлений, форм, где на смену раннему мифологизирующему периоду приходит период демифологизации.

В соответствии с циклической схемой философии истории и культуры, которая в своей основе сопряжена с идеей возвращения явлений (в XX веке не без влияния идеи Ф.Ницше о «вечном возвращении»), все большее распространение приобретает идея циклической повторяемости в искусстве, которую соотносят с бытованием гомеровского и библейского стилей (Э.Ауэрбах), попеременной сменой натуралистического и анти-натуралистического начал (А.Хаузер), миметическим (изобразительным) и не-миметическим, или семиомиметическим (выразительным) стилями (Д.В.Затонский). В контексте циклической схемы развития бытие мифа в динамике литературного процесса (шире – культуры) трактуется как попеременная смена периодов «подъемов» – ремифологизации и «спадов» – демифологизации (Е.М.Мелетинский и др.).

Учитывая сущностный характер процесса демифологизации (который усматриваем в апелляции к мифу и его кардинальном переосмыслении), не отбрасывая опыт современной литературоведческой науки, открывающей мощный мифологический импульс в произведениях «демифологизирующих» периодов, считаем, что применение линеарных либо циклических схем для рассмотрения бытия мифа в культуре создает несколько одномерное представление, не отражая специфику происходящих глубинных процессов.

Осмысливая литературу как сложную художественную систему, формирующуюся в результате перекрёстного воздействия социально детерминирующих и имманентных факторов, автор реферируемой диссертации исходит из рецепции мифа как универсального семантико-структурного «кода» культуры, аккумулирующего духовный опыт человечества, в связи с чем усматривает постоянное бытие мифологического модуса на всем протяжении ее истории и вычленяет основные факторы, обусловливающие континуальность мифа и неиссякаемость мифотворчества (природа и потенциал самого мифа с его универсализмом, концепированием бытия и человеческой сущности, полифункциональностью; специфика культурной ментальности, человеческого мышления; генетическая «память» культуры, сохраняющая творческие связи со своими истоками и продлевающая традиции; наконец, типологическое родство мифа и литературы, чья глубинная конвергенция прослеживается не только в схождении отдельных семантико-структурных элементов, но обнаруживает соотношение и в сфере функциональности (эпистемологическая, аксиологическая и др.)).

Трансформация мифологического модуса в «постмифические» эпохи являет изменение функционального формата мифа, который становится универсальным эстетическим феноменом кодификации культурного смысла, интегрируя предшествующий духовный опыт человечества, творчески переплавляя традицию.

Перспектива решения проблемы бытия мифа в литературном процессе видится в исследовании *сути и механизма трансформаций* мифологического модуса в конкретных культурных эпохах, поэтических системах, творчестве авторов, благодаря анализу мифопоэтической парадигматики художественных текстов.

Основу механизма трансформаций мифопоэтического модуса репрезентируют одновременно и взаимосвязанно проистекающие процессы:

1) «ассимиляции» (как отдаленных, так и близлежащих) мифопоэтических традиций;

2) деконструкции «устоявшихся» мифологических комплексов;

3) креации новых моделей, вплоть до создания новых мифов.

Таким образом, считаем, что принципы реконструкции и деконструкции составляют глубинную сущность самой трансформации в синхроническом аспекте осмысления мифотворческих явлений в литературе.

I.2. *«Специфика мифоцентричности литературы XX века и проблема неомифологизма»*

Обобщив накопленный опыт литературоведческой мысли (работы Е.М.Мелетинского, В.Н.Топорова, Ю.М.Лотмана, З.Г.Минц, А.Л.Григорьева, Н.А.Молчановой, А.Лаврова, Н.В.Беляевой и др.), автор диссертационного исследования очерчивает основные особенности мифотворческих тенденций близлежащей традиции – литературы рубежа XIX–XX веков – в контексте неомифологических устремлений культуры.

Как известно, определенные эпохи в истории литературы и стилевые системы (например, романтизма, модернизма и др.) являют актуализацию эстетического переосмысления мифа и усиление мифотворческого «космогенеза», что обусловлено комплексом экстра- и интроэстетических факторов (распадением универсальной картины мира и стремлением к преодолению катастрофичности бытия посредством обращения к «целостному» мироощущению мифа, его вневременному духовному опыту; напряженным поиском художественной системой адекватных форм для выражения меняющегося мировосприятия и т.д.).

С особой силой «неомифологические» устремления проявляются в конце XIX столетия и сохраняют свое значение для мировой культуры всего XX века. Они сопровождаются и обусловлены «культурным взрывом» (Н.Л.Лейдерман): интеллектуализацией человеческого бытия, развитием науки, философской мысли, стремительным ростом технического прогресса и, одновременно, усилением восприятия кризисности цивилизации, состояния мира в целом, нередко воспринимаемого как дезорганизованный, хаотичный, преисполненный различного рода конфликтами. Мифотворческие тенденции активно распространяются в философии, искусстве при заметном сближении и взаимовлиянии данных сфер духовной деятельности (философия Ф.Ницше, В.С.Соловьева, А.Камю, психологические построения З.Фрейда, К.-Г.Юнга и др.). Наблюдается также повышение интереса науки к мифу: развитие этнографии, фольклористики, лингвистики, психологии, литературоведения.

Ментальное потрясение, «сдвиг» способствуют становлению «неклассического» или модернистского типа художественного сознания и эстетики, которая в различных ее проявлениях (в русской литературе рубежа XIX–XX веков – символизм, акмеизм, футуризм) особую роль отводит мифотворчеству и собственно мифу, нередко переосмысляя статус последнего.

В диссертационной работе обозначены и систематизированы накопленные наукой знания о предпосылках становления неомифологизма XX века, его характерных чертах, основных отличиях от романтического неомифологизма (многомирие, представление о безграничности истин, множественность точек

зрения на мир, воплощаемая в символе и т.д.), особое внимание обращено на выявленную исследователями сущность неомифологического текста, в котором «миф выступает в функции языка-интерпретатора истории и современности»[4], на конструктивные принципы его поэтики: полигенетичность (термин В.М.Жирмунского), гетерогенность образов и сюжета, осознанная поликультурность, металитературность (метакультурность). Специфику основных форм проявления интереса к мифу в литературе XX столетия ученые, как правило, усматривают в использовании мифологических образов и сюжетов, создании «романов-мифов» и установке на «авторский миф» (Ю.М.Лотман, З.Г.Минц, Е.М.Мелетинский и др.).

В аспекте динамики неомифологических стратегий XX века подходит диссертант к изучению мифотворческих тенденций русской прозы 1930-х годов.

Раздел второй – «Модификации мифопоэтических моделей в контексте эстетических поисков русской прозы метрополии 30-х годов XX века» – посвящен как классификации типов мифопоэтических моделей во всей полноте их дифференцирующих составляющих, так и исследованию доминантных моделей, их семантико-структурных трансформаций и модификаций, тенденций и стратегий мифологизирования, прослеженных в соотношении с развитием разновекторных эстетических поисков прозы метрополии.

II.1. ***«Критерии классификации базовых мифопоэтических моделей».***

Осмыслению специфики глубинных мифологических структур литературы способствует, как представляется, классификационно-типологические системы базовых мифопоэтических моделей, предложенные в диссертационной работе, которые учитывают генетический, онтологический, структурно-семантический критерии вычленения. Так, генетическая типология (I система классификации) мифопоэтических моделей базируется на вычленении:

1) субъекта креации – *а)* традиционно-универсальные модели, восходящие к мифам, продуцированным коллективным сознанием; *b)* персональные мифопоэтические модели, структурирующие индивидуально-авторские мифы;

2) генетической основы структурирования «каркаса» мифопоэтических моделей: *а)* архаические модели; *b)* ритуально-мифологические модели (например, модель инициации); *c)* классические: античные, христианские и т.п. модели; *d)* модели, сопряженные с «низовой», народной мифологией и демонологией; *e)* культурно-исторические и *f)* культурно-литературные модели.

Персональные модели, базирующиеся на творческом переосмыслении, трансформации и модификации традиционно-универсальных, создают индивидуально-авторский миф о мире, который, в свою очередь, корреспондирует к глобальной модели мира, обнаруживая различные системы отношений (притяжения, отталкивания и т.п.), что в конечном итоге способствует креационному развитию культуры. Кроме того, в глубинной структуре различных типов моделей

---

[4] Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М. Литература и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. – М.: Сов. энциклопедия, 1992. – Т.2. – С.53.

обнаруживаются архетипические комплексы, представляющие собой своеобразные трансисторические и транскультурные метамодели.

Сложные корреляции являет система моделей, выделяемых по принципу культурно-исторического развития. Вычленение той или иной модели в художественном произведении усложнено трансмиссивным кодом культуры, который вмещает трансформации и модификации, в целом обеспечивая сохранность и непрерывное обогащение традиций.

Помимо генетического, существенным видится ***онтологический критерий,*** благодаря которому выстраивается II система классификации, выделяются мифопоэтические модели, характеризующие:

а) этапы развития бытия как такового – модели Хаоса и Космоса, креационные модели Начала (происхождения и возникновения какого-либо явления или сущности – этиологические, космогонические, антропогонические модели) и модели Конца (эсхатологическая, апокалиптическая и т.п.), модель Вечности;

b) структуру универсума:

– по характеру его составляющих – модель мира, а также антропоморфные, демонологические, зооморфные, вегетативные (например, мировое древо) и т.д. модели, в комплексе создающие глобальную картину универсума;

– по организации его компонентов – модели дуальные, трехчастные (например, вертикальная пространственная модель), четырехчастные (пространственная горизонтальная модель) и т.д.;

с) взаимоотношение человека и универсума – личностные модели, ориентированные на изображение:

– места человека в универсуме – слиянности, нерасчлененности человека и мира (условно – модель гармонии), либо модулирующие одиночество человека во враждебном ему мире (модель дисгармонии);

– роли человека в универсуме – мифопоэтические модели, обнаруживающие трансформации и модификации протомифологических комплексов культурных героев, демиургов, трикстеров, богов и т.д.;

d) динамику бытия, процессуальность – модели циклические, возвращения, странствия, Начала и Конца в процессе его протекания и т.д.

е) характер моделируемой картины мира – сакральная, секуляризованная («профаническая»).

Не менее важной предстает система классификации III типа, учитывающая ***принципы конструирования*** мифопоэтического модуса:

– структурно-семантический – мифопоэтические модели сюжетов, мотивов, времени и пространства и т.д.;

– стратегий и механизмов моделирования – модели креации (восходящие к мифопоэтическому космогенезу), модели деструкции (деконструкции) мифов.

Сложное художественное целое литературного произведения вбирает в себя многочисленные комплексы разнообразных мифопоэтических моделей, являя феномен полиструктурного синтеза в формации органичного художественно-текстового единства. Осмысление мифопоэтического континуума как отдельного произведения, так и литературы вообще видится плодотворным благодаря интегрированному исследованию, основанному на применении разнообразных

классификационных систем моделей, т.е. с учетом различных дифференциальных признаков и специфики их корреляций. Характеристика как творчества отдельного автора, так и определенного литературного периода не исключает возможность или хотя бы попытку выделения доминантных мифопоэтических моделей при всей условности подобного вычленения (в силу синкретизма поликультурного мифопоэтического пласта) и обобщения основных стратегий мифологизирования.

В **II.2.** ***«Стратегии формирования и развития советской идеомифологической системы»*** и **II.2.1.** ***«Доминантные мифопоэтические модели, их модификации и динамика в литературе социалистической ориентации: ранний этап развития и 30-е годы XX века»*** проанализированы мифокомплексы, отраженные в произведениях социалистического выбора и сказавшиеся в творчестве эстетически разнонаправленных авторов.

Мифологизирующий характер соцреалистического искусства привлекает внимание исследователей (К.Кларк, Х.Гюнтер, Е.Б.Скороспелова, М.А.Чегодаева и др.). Предпринимаются попытки вычленить мифологическую доминанту соцреализма (например, в качестве основного мифа соцреалистического романа К.Кларк называет миф о «великой семье», развивая данную концепцию, Х.Гюнтер выделяет четыре архетипа советской культуры: героя (летчик, полярник, революционер и др.), врага (с обязательным наличием в его образе демонических черт), отца (Сталина) и матери (Родины).

В реферируемом подразделе диссертации рассмотрены комплексы мифологических констант, явленных литературой 30-х годов, отразившей актуальные идеологические устремления времени и шире – характерные идеи эпохи. Кроме того, мифопоэтические парадигмы утверждающегося соцреалистического искусства прослежены в динамике развития: очерчен их генезис и трансформации в сравнении с предшествующим и последующими десятилетиями.

Проведенное исследование показало, что, метод соцреализма (в самом названии отразивший связь идеологии с искусством) обнаруживает модификации традиционных мифологических схем.

Доминантную структуру советской идеомифологической системы составляет миф о преображении мира, секуляризованное переосмысление эсхатологических и космогонических моделей, продуцирующее мифы об Абсолютном Конце Старого мира и Истории, создании Нового мира, намечающего наступление Эры блаженства, персонифицированной моделью Рая на земле и т.д. При этом мифологические структуры претерпевают определенное функционально-семантические изменения, актуальные и характерные для определенного времени и периода.

В 20-е годы XX века лидирующее положение занимает эсхатоцентричная тенденция. Наблюдается прерывание традиционной циклической схемы и замещение ее линеарной (нацеленность на светлое грядущее и отрицание перспективы последующего воскрешения, возвращения «греховного» Старого мира, бесповоротно обреченного на гибель). *Старый мир – Хаос* лишен животворного начала и не в состоянии породить новый мир, т.е. лишен космогонической функции.

Начало истории и ее настоящее знаменует борьба за уничтожение Старого мира, Конец истории в будущем имплицитно соотнесен с осуществлением мифопоэтического комплекса социалистического рая, Конец времен – с

наступлением Золотого века, причем, в отличие от традиционной схемы, сопряженным исключительно с грядущим, а не с утраченным прошлым. Литература социалистического выбора 1930-х годов нередко переносит черты светлого будущего в настоящий план, придавая им статус реальности. В обоих десятилетиях непродуктивной становится модель возвращения, отрицается возможность возвращения к «темному» прошлому. Функциональностью наделяется лишь героическое прошлое, пантеон героев которого сакрализируется.

И в 20-е, и в 30-е годы XX века сакральный статус приобретает борьба. Разрушение Старого мира предстает как героическое сражение, где битва героев с «неверными» приобретает апокалиптические черты борьбы света и тьмы, добра и зла, от исхода которой зависит состояние мира. В 1920-е годы актуальна мифологема героического «последнего» боя со «зверем» – враждебным миром, как правило, изображенным в предельно обобщенной форме. В 1930-е годы образ врага, персонифицированный единичными «обломками» Старого мира, конкретизирован вредителями и шпионами, ведущими скрытую деструктивную работу.

Концепт борьбы в литературе социалистической ориентации все чаще обретает контуры трудового сражения (трудовой фронт, борьба за создание колхозов, битва за урожай и т.п.).

Мифологизируется подвиг, поэтизируется идея самопожертвования во имя «светлого» идеала. Причем, если в традиционном эсхатологическом мифокомплексе интенциональность жертвенности обусловлена целью отсрочить катастрофу, то в социалистически ориентированной литературе, посвященной теме революции и гражданской войны, подвиг самопожертвования призван приблизить конец Старого мира, и сам поступок нередко окрашен героико-романтическим пафосом.

В литературе 1930-х особая роль отводится трудовому самопожертвованию (мотив, прослеживаемый в романе Л.М.Леонова «Соть», Н.А.Островского «Как закалялась сталь» и др.).

Разрабатывается также мотив строительной жертвы (нередко – смерть ребенка, принесенная в жертву новому мирозданию). Литература социалистической ориентации XX века, выделяя семантическое поле невиновности (ребенок), акцентирует внимание на героизме эпохи, демонстрируя, что будущее дается нелегким путем, ценой борьбы и человеческих жертв («Соть» Леонова. Иное осмысление – в «Чевенгуре» и «Котловане» Платонова).

В 1930-е годы наблюдается усиление позиций космоцентричной тенденции, нацеленной на гармонизацию бытия и человеческого существования. На первый план выдвигается сам процесс творческого созидания. Активизируется модель строительства («великих строек») («Гидроцентраль» М.С.Шагинян и др.).

Формируются мифы о создании нового человека, преображающей силе труда, коллектива, популярной становится тема воспитания (А.С.Макаренко «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях» и др.).

Разрабатывается миф о человеке-творце, демиурге нового Космоса (причины антропоцентричной мифологизации соотносимы с переосмыслением в XX веке места и роли человека в универсуме, идеей всесилия творчески преобразующего человеческого разума, которая отразилась в философии русского космизма, а в литературе оказала влияние на развитие фантастических жанров).

Искусство 1930-х годов отражает миф о победе человека над Временем и Пространством. Последнее сказывалось в идее преображения земных рельефов, создании новых ландшафтов («райских садов» и т.п.) благодаря героическому труду коллектива. Популяризуется миф о победе над Природой, стихии которой враждебны и противостоят человеку, но в результате подчиняются организованной воле людей. Наблюдается переакцентировка мифопоэтической образности: если в 1920-е годы ремифологизация стихий (бури, ветра, вихря, метели, урагана) и эсхатологических катастроф (всемирного потопа и пожара) наделялась не только деструктивной, но и креационной семантикой, обозначая глобальные процессы кардинальных перемен жизни страны, знаменуя смену картины мира (при концентрации условно-метафорических значений вокруг семантических полей: динамизма (изменений), природности происходящего, мощи и силы, глобальности масштаба и значений «очистительного» характера), то в 1930-е годы происходит их кардинальное переосмысление. В контексте творчески-креативного акта, управляемого организованной волей людей, неорганизованные стихии становятся персонификацией деструктивных сил Хаоса, который в результате будет обуздан и космизирован.

Демиургическую роль креации, гармонизации, создания «обетованных земель» («богатой советской земли») выполняет коллектив. Миф о победе над временем, пространством, природой обнаруживает свою устойчивость, как в литературе социалистической ориентации, так и вне ее эстетического канона (роман В.П.Катаева «Время, вперед!», повести К.Г.Паустовского «Кара-Бугаз», «Колхида» и др.).

В 1930-е годы и последующие десятилетия советская идеомифологическая система разрабатывает мифы о советском народе, осуществившем прорыв в будущее, и Родине – Союзе Советских Социалистических Республик, где люди обрели равенство, свободу, братство. Данные мифы становятся особенно продуктивными в 1940-е годы и на новом историческом материале расширяют свою семантику, усиливается мифопоэтический концепт народа-защитника, сына Матери-Родины-Земли. Превалирующее в 1930-х годах XX века усиление мужского начала (Советский Союз, «отец» народов – Сталин), в 1940-е годы не исчезает, но уступает в аксиологическом контексте первую позицию женскому – Родине-Матери. В мифопоэтическом ключе синтез женского и мужского начал (Родина – СССР, Мать и ее сыновья-защитники и т.д.) нацелен на актуализацию витального начала и необходимость сбережения Космоса от деструктивных сил Хаоса. В литературе военных лет идеализируется довоенное мирное прошлое, приобретающее черты безмятежной гармонии, куда коварно вторгся враг. Подготовленный предшествующим периодом, в 1940-е годы конкретизируется образ врага (внешнего – фашизма, внутреннего – предателя, изменника). Как и прежде, сакральным статусом наделена борьба, сражение, однако заметна тенденция расширения ценностно-онтологической семантики (бой – «ради жизни на земле»). Глобализируется функция советского народа – защитника мира, что успешно используется советской идеомифологической системой в последующие годы.

Обновляя в соответствии с жизненным материалом доминантные мифокомплексы, литература, пропагандирующая социалистический идеал, в своей

функциональной роли нацеленная на воспитание масс, сыграла немаловажную роль в утверждении коллективно-мифологического сознания.

В 1930-е годы заметна тенденция мифологизации функциональной роли самой литературы, которая становится демиургом соцреалистического эстетического канона, в рамках которого создаваемый текст непременно ориентирован на воспроизведение характерных идеологических мифов. Поддерживая установку на «творческое преображение реальности силами искусства», литература социалистического выбора вырабатывает стратегию художественного пересоздания действительности, соотнесенную со специфической эстетикой фантастического, где элементы будущего привнесены в настоящее, желаемый идеал выдается за действительный («настоящее прекрасно, будущее – еще лучше»), создается условный мир, в котором границы правдоподобия подчас неразличимы.

Помимо развития мифологической системы, опирающейся на коллективную форму сознания, с ее нормативным набором основных мифов, тиражируемых «официальным» искусством, в литературе 30-х годов XX века наблюдается интересный феномен активизации индивидуально-авторского мифотворчества, создания персональных мифоцентричных художественных систем, что видится имплицитной формой оппозиционного дистанцирования писателей от соцреалистического канона, творческим продлением традиций модернистской классики и духовного наследия всей русской литературы.

В подразделе **II.3.** – ***«Тенденции эстетического и поликультурного синтеза, технология и поэтика креации индивидуально-авторских мифологических моделей в прозе модернистской классики (А.П.Платонов и М.А.Булгаков)»*** – анализ мифопоэтической парадигмы выявил тенденцию синтеза основных форм неомифологизма: использование мифологических образов и сюжетов, создание «романов-мифов» и ярчайший пример креации индивидуально-авторских мифов.

Особенности мифотворчества писателей во многом определяет специфика функционирования стратегий мифологизирования, их синтагматические и парадигматические комплексы.

Структуру **II.3.1.** ***«Стратегии мифотворчества Андрея Платонова»*** составляют: II.3.1.1. *«Технология мифологизирования»*, II.3.1.2. *«Особенности художественного пространства: трансформации модели центра»*, II.3.1.3. *«Индивидуально-авторский миф Платонова: функционирование архетипических доминант»*, II.3.1.4. *«Модификации национальных мифопоэтических комплексов в художественном мире Платонова»*, в которых исследуются различные аспекты поэтики мифологизированной прозы писателя 1930-х годов.

Технология мифотворчества Платонова обнаруживает одновременно процессы: ремифологизации и демифологизации, коррелирующие стратегии реконструкции, трансформации, вплоть до деструкций определенных мифов, креацию индивидуально-авторского мифа, являющего принцип создания амбивалентных моделей «возможных миров». Названные стратегии, как правило, носят не дискретно-замкнутый характер, а находятся в континуальном соотношении, являя признаки интерференции и креолизации.

Мифологизм мышления Платонова демонстрирует примат универсально-космического начала. В произведениях писателя заметны основные свойства мифологической «логики»: изоморфизм микро- и макрокосма, диффузность субъектной и объектной сфер, абстрактного и конкретного, черты персонализации, анимизма и т.д., что, в свою очередь, сказывается в поэтической технике опредмечивания абстрактных сущностей и одушевления неодушевленного (персонализация и анимизм не только природных явлений – солнца, дождя, но и материальных – машин, механизмов, изделий и устройств; константный метаобраз *вещества существования* – сокровенной сущности человеческого бытия в мире).

Пространственно-временной организации художественного мира Платонова присуще свойство «двоичности». Не утрачивая параметров реальности и конкретности, время и пространство наделены мифологизированным восприятием глобальности и космичности. Качественное богатство мифопоэтических представлений о времени и пространстве реализуется в тексте Платонова благодаря реконструкции и трансформации традиционных временных констант начала и конца, сопряженных с космогоническим и эсхатологическим мифами, модификации временной циклической модели, реконструкции и трансформации мифопоэтического пространства, обладающего свойствами отграниченности (границы *своего* – *чужого* миров, внешнего и внутреннего, парадигмальными комплексами замкнутого – разомкнутого, верха – низа, центра и т. д.), определенной степенью сакральности и др. Мифопоэтическую темпорализацию пространства и спациализацию времени демонстрирует восприятие платоновских героев, в котором осуществляется взаимопереход и слияние пространственно-временных координат.

Художественный мир Платонова репрезентирует полигенетичную структуру мифопоэтического, модификации различных мифов. Ядром «матричной» мифологической структуры в платоновской прозе 1930-х годов становится синтез и трансформация космогонической и эсхатологической моделей, мифологических комплексов о творении-созидании и гибели мира.

Изображая мифологизированное сознание персонажей, Платонов воспроизводит характерный мифокомплекс эпохи, с его эсхатологической декларацией конца Старого мира и космоцентричной установкой создания – строительства Нового (персонифицированным в «Чевенгуре» образом города, в «Котловане» – дома). Сознание персонажей четко поляризовано, разделение происходит по принципу бинарной оппозиции «свой» – «чужой», характерной для мифологического мышления. При этом «чужие» («вши», «эгоисты», «ехидны», «враги») обречены на уничтожение, смерть. Сцены ликвидации в обоих произведениях, разработанные в траги-гротескном ключе (расстрел буржуев, которым объявлен конец мира по сводкам метеобюро в «Чевенгуре», уничтожение кулачества – отправка на плотах «в океан» в «Котловане»), являя аллюзивные эсхатологические (всемирный потоп) и апокалиптические (Суд) пласты, обнажают претензии новых хозяев жизни на теургическую роль.

Платонов изображает в коллективном сознании людей господство злободневного идеологического мифа, погруженного в профанное представление о «рае на земле», в то же время обретшего черты сакрализации и свойства вторичной семантизации (представление о будущем героев «Чевенгура» и «Котлована», рытье

котлована для общепролетарского дома как Центр космогонического акта творения и т.д.).

Воспроизводя миф о создании Нового мира, Платонов средствами поэтики последовательно деконструирует его, превращает в антимиф, который, в свою очередь, воссоздает антимир, где Космос оборачивается Хаосом, – космогоническая модель в «Чевенгуре» и «Котловане» секуляризируется, при этом активизируется вариация эсхатологического ряда, сопряженного с семантикой гибели, которая объемлет и прошлое (конец Старого мира), и настоящее (поэтика лейтмотива смерти и рядов сопряженных мотивов: ветхости, увядания, пустоты, холода, мучения, забвения и др.; образы-символы гробов, котлована-могилы; аллюзия мифа о Вавилонской башне), и будущее (мотив строительной жертвы – ребенка в основании нового мироздания).

Деконструируется модель, содержащая утопический комплекс представлений. Дом оборачивается антидомом, град – антиградом, «рай на земле» оказывается антираем, «адовым дном», поскольку людьми забыто «человеческое в себе». Принцип деконструкции проявляется в организации художественного пространства. Подвергая существенной трансформации универсальные мифологемы, сопряженные с обозначением центра, Платонов в структуре образа мира акцентирует профаническое пространство благодаря десакрализации и деструкции единства центра как в горизонтальной (смещение локуса), так и в вертикальной проекциях (единство оси, связующей низ – середину – верх, распадается). Разрабатывается и семантизируется пространственная парадигма низа (смерти), которая также способствует деконструкции космогонической модели и активизации эсхатологического варианта, где сильную позицию занимает семантика гибели.

В общей деструктивной схеме доминирует одна часть бинарной оппозиции: не свет, а мрак, не верх, а низ, не счастье, а несчастье, не жизнь, но смерть, которая становится характерным признаком дисгармонии мира. Вычленение из бинарности и художественная разработка парадигм одного структурно-семантического ряда репрезентирует демифологизацию мифокомплекса эпохи о создании Нового счастливого мира.

Важнейшей чертой пространственной организации художественного мира Платонова является соотнесенность пространства с аксиологической парадигмой. В создаваемой писателем модели «пустого» мира актуализируется душевная опустошенность людей. Потере миром гармонии соответствует утрата истины человеком. Поиск «вещества существования», которым децентрированное профаническое пространство, лишенное аксиологического комплекса, должно быть заполнено, активизирует архетипический мотив пути, структурирующий произведения писателя («Сокровенный человек», «Усомнившийся Макар», «Чевенгур», «Афродита» и др.). Сюжетообразующей моделью выступает *странствие* и его модификации. Причем концептуальным в философском и художественном мире произведений выступает *странствие-поиск (смысла жизни, истины)*. Излюбленные платоновские герои – философы-странники, правдоискатели ведут напряженный духовный поиск аксиологических ориентиров. Семантическим ядром модели *странствия-поиска* выступает *хождение по мукам,* его философско-

онтологический статус обозначает экзистенциальное состояние мира и человека, мучающегося от утраты истинности существования, терзаемого сомнениями. В структуре данной модели константными предстают архетипы *дороги* и *младенца*, которые воссоздают картину мира и актуализируют ценностную систему координат. Концептуальной в платоновской прозе выступает смерть ребенка, для героев-правдоискателей она становится драматичным моментом потрясения и постижения истины – нового Космоса, в котором сакральный центр переносится на самого человека и намечает аксиологический вектор бытия.

Важнейшим принципом платоновского мифотворчества видится создание автором вариантных моделей «возможных миров», продуцирующих несколько альтернативных направлений будущего, реализаций намеченных линий, заданных средствами поэтики. Креация индивидуально-авторского мифа Платонова базируется на принципе создания нескольких вариантов возможного развития мира. Один из них структурирован линией грядущего, продлевающего модель дисгармонии реального мира, где смерть (ребенка и Саши Дванова в финале «Чевенгура», девочки Насти в «Котловане») становится закономерным завершением краха утопии, выступая трагическим предупреждением созидателям будущего мира, стремящихся на костях строительных жертв возвести новое мироздание. Другой вариант являет возможность осуществления иного мира – «родины жизни и дружелюбия» (модель гармонии). Продуцированная мифологическим мышлением автора, творчески переосмыслившим идеи Н.Ф.Фёдорова о возможном преодолении смерти через возрождение чувства любви (в широком значении), данная модель структурирована мифопоэтическими мотивами *возвращения (из забвения), возрождения (вариации – перерождения, нового рождения и т.п.),* сопряженными с духовной сферой человеческой сущности. Именно в возвращении «человеческого в себе» (мотив возвращения к «родине чувств») Платонов видит залог внутреннего возрождения человека, благодаря которому намечается развитие возможного будущего мира, перспектива рождения гармонии. Рассматриваемая модель имеет проективный характер, касается мира, каким он должен быть.

Полигенетизм художественного мира Платонова являет синтез разнообразных мифопоэтических традиций, среди которых заметна ориентация на *национальные мифокомплексы,* художественное осмысление которых в произведениях писателя 30-х годов обнаруживает функции:

1) деконструкции современного автору идеологического мифа, что прослеживается, например, благодаря изображению медведя в повести «Котлован». Переосмысливая славянскую народнопоэтическую традицию, Платонов использует прием двуединости образа медведя-молотобойца, зооантропоморфизм которого, как представляется, подчинен, во-первых, в раскрытии темы индустриализации – метафорической идее «обратного» превращения человека в животное как закономерного результата бездумного труда и безмолвного существования. Во-вторых, делая получеловека-полуживотное ключевой фигурой в сценах раскулачивания, автор благодаря приему реализации метафор («классовое чутье» и т.д.) обнажает не только принципы процессов коллективизации, но шире –

показывает опасность появления на исторической арене получеловека-полузверя – нового «хозяина» жизни.

2) структурирования, креации индивидуально-авторского мифа.

В реферируемой диссертационной работе выдвигается гипотеза, что семантика возможного гармоничного развития мира при условии возвращения к духовным основам в структуре «Котлована» и «Чевенгура» репрезентирована творческой модификацией национального мифокомплекса о Китеже.

Предпринятый анализ китежской легендарно-мифологической традиции в истории русской культуры обнаружил, что, пройдя определенные этапы развития, миф о Китеже, претендуя на статус всенародного мифа, отражая аксиологические ориентиры и чаяния национального сознания и энергию поэтического восприятия, сублимируя идеи торжества жизни над смертью, бессмертия, спасения, нравственной чистоты и духовности, с особой силой актуализируется искусством к.XIX – н.XX веков) и становится одним из опорных мифов о России.

Мифопоэтическая реминисценция китежского града прослеживается в «Котловане» Платонова, в частности, в видении инженера Прушевского города будущего. Творческая модификация мифа о Китеже, контаминированная с переосмыслением научных идей Н.Ф.Фёдорова о возможности грядущего воскрешения, становится неотъемлемой частью художественной структуры «Чевенгура», включена в моделирование оригинального авторского мифа, метаидеей которого выступает необходимость активного духовного поиска человеком своей сокровенной сущности – взыскуемого «града духовного» (в данном мифологическом ключе дешифруется завершение сюжетной линии Саши Дванова в финале романа).

Стратегии мифологизирования «роднят» прозу Платонова с модернистской парадигмой и в то же время намечают определенный отход от нее. Воспроизведение и последовательная деконструкция и демифологизация советского идеологического мифа знаменуют «переходной» тип художественного мышления, соотносимый с «предпостмодернистским» комплексом (А.Ю.Мережинская).

II.3.2. ***«Мифопоэтический космос М.А.Булгакова»*** включает следующие структурные блоки: ***II.3.2.1. «Проблема мифологизма наследия писателя и основные векторы научного поиска в булгаковедении», II.3.2.2. «Мифопоэтическая составляющая художественной полиструктуры «Мастера и Маргариты» (§1. Иномирие: Мифопоэтический комплекс в структуре инфернальной образности; §2. Земной мир в свете поэтики астральной образности в романе; §3. Мир «покоя»: структура модели гармонии в индивидуально-авторском мифе Булгакова (символика Вечного Дома)).***

Исследование наиболее мифоцентричного романа М.А.Булгакова, созданного в 1930-е годы – «Мастера и Маргариты», позволило обнаружить:

– сопряженность булгаковского текста с развитием неомифологической романной стратегии XX века с присущими ей тенденциями гетерогенности, полигенетичности, металитературности и метакультурности;

– усиление полифонических структур, интенционально развивающих представления о многомирии, релятивности сущего;

– соотнесенность изображаемого с мифом и в плане содержания, и в плане выражения.

Обращение и творческое переосмысление автором полигенетичного материала мировой культуры, апелляция к широкому мифологическому, историческому, литературному контексту, синтез различных традиций и схем, разработка мифопоэтичских мотивов, сюжетов, символов и т.д. отчасти обусловливают факт креации мифологизированной текстовой действительности, которая при всей полисинтетичности жанровых форм позволяет усматривать в «Мастере и Маргарите» также черты романа-мифа. Спецификой булгаковского текста видится повышенная семиотичность, гипернасыщенность кодами и знаками культуры, прослеженная в диссертационной работе благодаря анализу мифопоэтических парадигм, исследованию функционирования мифологического модуса, его структуры и семантики в креации индивидуально-авторской художественной модели универсума в непосредственном соотношении с аксиологической системой осмысления бытия.

В создаваемой писателем картине мира базовой семантико-структурной основой онтологической модели выступает представление о релятивности универсума, что проявляется в осмыслении законов бытия и человеческой экзистенции. Охватывая гносеологическую и сущностную сферы бытия, релятивность обнаруживается в относительности различных констант (представление о Добре и Зле, осмысление которых подразумевает характер антиномичных взаимо- и соотношений и т.д.).

Актуализируется одна из фундаментальных философских проблем – Истины и ее адекватного восприятия (персонажи обнаруживают свою причастность либо непричастность к «вечным истинам»). Декларируемые персонажами Москвы 30-х годов «истины» на поверку оказываются не истиной, знание – незнанием и т.п., что на сюжетно-образном уровне развенчивается проделками Воланда и его свиты, на уровне поэтической техники – пародией, гротеском и др. средствами комического.

Релятивностью в булгаковском мире обладают Время, Пространство, экзистенция. Складывается оригинальная проекция *семантики «возможных миров»*, которая, в отличие от платоновской художественной модели, нацелена не на прогностическую линию, намечающую состояние мира в будущем, а структурирует выражение сущностного имманентного характера бытия вообще. При этом продуцируется модификационная схема *соприсутствия миров, границы которых открыты и взаимопроницаемы: земной, реальный и «потусторонний», инфернальный, миры истории, современности и вечности и т.д.* Художественно пересоздавая действительность и создавая альтернативную реальность, Булгаков апеллирует к широкому мифопоэтическому контексту.

В соответствии с представлением о релятивности бытия допустимым оказывается существование пятого измерения, возможными – трансформации пространственных параметров, мгновенные смены топосного пребывания персонажей, временные сдвиги и т.д.

Многомирие и «диффузия» миров актуализирует художественную полиструктуру, которая обнаруживает многослойность сюжета, корреляцию хронотопов, полигенетизм и совмещение различных культурных кодов, в том числе мифопоэтических комплексов.

Благодаря сближению кризисных исторических эпох, различных культурных периодов: заката античности, начала христианской эры и 30-х годов XX века в России – в художественном мире романа усиливается традиционная для мировой (и особенно русской) литературы эсхатологическая модель концепирования реальности, сопряженная с апокалиптической ситуацией «кануна», маркирующей завершение одного цикла и начало другого. Разработка Булгаковым мистико-фантастического пласта, связанного в романе с творческим переосмыслением мира демонологии, способствует деконструкции современного писателю мифа о планомерном поступательном движении истории, управляемой «всесилием человеческого разума», и, соответственно, деконструкции линеарной схемы. Акцентируемая циклическая модель движения истории пронизывается коллизией времени и вечности, репрезентируя мысль о единстве всемирной жизни человечества, об извечной борьбе добра и зла.

Исследование мифопоэтических пластов структуры «диффузного» многомирия (инфернальный, земной миры и т.д.), их символической образности позволило выявить протомифологические компоненты, творческие трансформации и модификации как традиционно-универсальных, классических, так и культурно-исторических и культурно-литературных мифопоэтических комплексов. Полигенетическая стратегия булгаковского мифотворчества являет тенденцию использования автором широкого ареала этномифологических контекстов: славянской, финикийской, египетской, ацтекской и др. мифологий (например, миф об умирающем (исчезающем) и воскрешающем (возвращающемся) боге, который обнаруживает связи с загробным или «нижним» миром и персонифицирован в этнокультурных традициях Осирисом, Таммузом, Уицилопочтли и др.).

В художественном мире Булгакова полиструктура мифопоэтической символики прослеживается в:

– номинальных обозначениях (Воланд – «дух зла», «князь тьмы», «повелитель теней», «змий» и т.д., соотносящих персонажа с мировым демоническим началом и подчеркивающих идею многоликости зла);

– портретных характеристиках, как стилистически развернутых, так и ситуативных (линия кривизны, сопряженная с хтонической асимметрией; динамика черного цвета, сверкающие огнем взгляды и т.д., восходящие к инфернальной сущности в портретировании князя тьмы и его свиты);

– конкретизации предметного и вещного мира (учитывая качественные обозначения, параметры и т.д.), насыщенные имплицитным зарядом (одежда, атрибуты, детали интерьера и т.д. Удлинение одежды и шпаги Воланда – знак увеличения перечня жертв);

– разнообразных оттенках цветовой символики, часто являющей динамику развития (накопление цвета по принципу градации, трансформацию смыслов в зависимости от характера явления или персонажа);

– пейзажной символике;

– пространственной парадигме (существенными становятся маркеры: право–лево; верх–низ и т.д.);

– астральной (солярной и лунарной) образности и их производных (солнечный и лунный луч, закат, рассвет и т.д.). Особенно значимы реакции персонажей на те или иные астральные объекты, а также качественные изменения данных объектов, «реагирующих» на поступки людей, шире – на состояние мира, соотношение в нем добра и зла, попрание истины и т.п. (лопнувшее солнце, разваливающаяся на части луна – в поэтике символической означиваемости репрезентирующие переключение условных значений);

– геометрической символике фигур (треугольники Воланда и т.д.),

– вегетативной, зооморфной образности и т.д.

Многомерная полиструктура символических элементов, разработанная до мельчайших деталей, в их комплексном восприятии создает специфичное преломление смыслов, игру оттенков имплицитных значений, «мерцающих» в поэтике булгаковского текста.

Рассмотрение поливариантной семантики в связи с функциональными особенностями образов-символов и символичных деталей обнаруживает доминирование комплекса выполняемых характерологических и сюжетно-композиционных (кодовых) функций, предваряющих последующие события в романе (например, огненные взгляды, поднятая вверх шпага выступают предвестниками трагических событий, маркируют переход духа зла к действию; продлеваемый в романе символический ряд шпага – игла в условном значении становится признаком опасности, уколы иголок становятся знаком-предупреждением людям, ставшим на путь зла, о грядущем контакте с инфернальным миром и т.д.).

Наблюдаемые композиционные принципы использования символа в текстовом пространстве являют несколько вариантов структурного развития: неоднократные упоминания одного и того же символического знака, актуализирующие рецептивное внимание; выстраивание с использованием дальнейшего уточнения и градации, что, безусловно, усиливает динамику образа в контексте этико-философской проблематики романа; дублирование тех же и варьирование подобных символических элементов в иных образных структурах (например, отдельные символичные детали нередко продублированы в структуре образов-спутников Воланда – представителей его свиты). Подобное «эхо», отраженное в повторениях и вариациях символико-семантических сколков, делает сущность создаваемого смысла узнаваемой.

Предпринятый анализ текстового материала дает основание для предложенной в диссертационной работе корректировки не только отдельных интерпретационных положений, бытующих в современном булгаковедении (в частности, касающихся выполняемых функций Воланда в романе), но и для уточнения этико-философских векторов авторской интенциональности, благодаря которой демоническое зло оказывается менее опасным, нежели то, что творит людская когорта «мелких бесов» (линия Москвы 1930-х годов) и персоны, наделенные властью (Пилат и др.). Последняя (власть) осознается автором «Мастера и Маргариты» как особая форма насилия над людьми. В осмыслении Булгакова,

перед человеком всегда стоит выбор между добром и злом, и от результата выбора зависит, попадет ли индивид в сферу влияния повелителя теней либо же останется неподвластен ему, поскольку проявит добро и милосердие, перед которыми зло отступает. Воланд в романе не всесилен. Индивидуально-авторский миф Булгакова антропоцентричен, ибо милосердие и добро, по мысли писателя, являются сферой человека (этому подчинено и переосмысление христианской традиции, усиление в образе Иешуа человеческой эманации; милосердие в романе проявляют Маргарита, мастер, философ Га-Ноцри и др.). Писатель выстраивает духовную вертикаль, в которой ценностную шкалу формируют идеи любви, внутренней свободы, творчества, являющиеся для Булгакова непреходящими, вечными ценностями.

Мифопоэтическая символика как емкая форма полилога с константами человеческого одухотворенного бытия актуализирует в 1930-е годы внутренне оппозиционный авторский диалог с современностью и ее деформациями, выступает продуктивным способом выражения художественного сознания писателя.

Индивидуально-авторские мифы Платонова и Булгакова, несмотря на явленные отличия, сближаются как в аксиологически ориентированной антропоцентричности, так и в стремлении созидания духовного Космоса и видятся творческим продлением традиции русской и мировой литературы.

II.4. *«Мифопоэтические проекции в прозе 1930-х годов писателей реалистической направленности (М.Горький и М.А.Шолохов)».*

Хотя мифотворческие тенденции в большей степени явленны произведениями социалистической ориентации и литературой, тяготеющей к модернистскому типу, все же традиционные мифопоэтические структуры, безусловно, обнаруживает искусство реалистической направленности.

Нельзя не согласиться с замечанием Т.Н.Денисовой: «Фактично в жодній літературі не було (і навряд чи може бути) "чистого", повноформатного реалізму. Навіть у творчості одного автора, як правило, перехрещуються, запліднюють одна одну, вступають у діалог різні, часом, здавалося б, абсолютно несумісні традиції і тенденції»[5].

Ученые указывают на взаимодействие и взаимообогащение в XX веке эстетических феноменов реализма и модернизма, усиление в реализме минувшего века философичности, корреляции бытийного и социально-конкретного мировидения с развивающейся стратегией возвышения первого над вторым, углубление личностного начала, активизацию образного мышления, тяготение к универсализму и условности и т. д. При этом реализм «мімезисної природи таки не втрачає»[6].

Среди традиционных структур, которые творчески развивает реалистическое искусство XX века не последнюю роль играли и мифопоэтические, которые рассмотрены в реферируемой диссертации на примере романов «Жизнь Клима Самгина» М.Горького и «Тихий Дон» М.А.Шолохова. В частности, в работе

---

[5] Денисова Т.Н. Історія американської літератури XX століття. – К.: Довіра, 2002. – С.15.

[6] Астаф'єв О.Г. Неореалізм: стратегія транзитивності // Астаф'єв О.Г. Лірика української еміграції: еволюція стильових систем. – К.: Смолоскип, 1998. – С.149.

прослежено, что, художественно осмысляя судьбоносные события истории, писатели создают миф о России «на переломе», который не лишен драматичного (Горький) и трагедийного (Шолохов) начал. В данных романах тип всеобщего состояния бытия кризисных эпох тяготеет к модели дисгармонии, фиксируется потеря ориентиров, актуализируется ситуация распутья, центром изображения становится *утрата и поиск человеком опор в пошатнувшемся мире.* Структурообразующим становится мотив *пути* в вариациях духовного *блуждания* (Горький), *скитальчества* (Шолохов) и намечаются их итоги.

В «Жизни Клима Самгина» М.Горького, в связи с концентрированием авторского внимания на феноменологии «пустой» души, расширяется и разрастается архетипический мотив предательства, который в тексте романа обнаруживает мифопоэтические проекции на христианскую традицию, в частности, на образы новозаветного Иуды и библейского Каина. В широком философско-содержательном контексте произведения указанный мотив репрезентирует авторское восприятие «болезни мира», суть которой заключается в предательстве человеком своей сокровенной сущности, несоответствии высокому идеалу, сопряженному в сознании Горького с типом «прометеистского человека».

В «Тихом Доне» М.А.Шолохова ярко представлены векторы и ориентиры народного сознания, наделяющего землю сакральным статусом (функциональное поле мифологемы в романе традиционно – Мать, материнское лоно, родительница, кормилица, носительница мудрости, мира, народной общности, воплощение труда и гармонии). Вторжение социально-исторических катастроф – событий войн и революции – намечают разрушение Космоса, вторжение Хаоса. В романе разворачивается мотив разлома, маркирующий в имплицитном значении разъединение людей, отъединение от земли, Дома, мирной жизни и т.д. Возникает образ распятой и растерзанной земли, ставшей объектом передела (вплоть до обобщения всей земли–России). Нарушаются исконные связи человека (сына) с матерью-землей и в художественном мире романа появляется образ мертвой земли. Разрушение универсальных ценностей народного космоса становится знаком трагедии мира и человека. В своих глубинных истоках народно-мифологическое сознание опирается на представление о единстве и неразделимости рода (народа), потому война между членами одной общности предстает в качестве «братоубийственной». Разрыв связей (сына и матери-земли, между братьями и т.д.), потеря извечных ценностных ориентиров, утрата «почвы под ногами» продуцирует сущностный аспект модели дисгармонии. Поиск духовных опор формирует в художественном мире «Тихого Дона» лейтмотив духовного скитальчества человека, актуализируется мотив распутья и хождения по мукам. Продуктивной в романе Шолохова становится модель возвращения, реализованная сюжетно в финале произведения: возвращение героя к родному Дому, которая на концептуальном уровне знаменует необходимость возвращения к извечным ценностным константам народного бытия, с особой силой акцентированных писателем в заключительных строках «Тихого Дона»: «...вот и сбылось то немногое, о чем... мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что ...еще роднило его с землей и со всем этим огромным...

миром»[7]. Вычленяемый здесь ряд семантических ядер – образных концептосфер: дом – сын – жизнь – земля – мир (во всей полноте коррелирующих связей идейно-философской насыщенности) структурирует каркас аксиологически центрированного бытия народного сознания, репрезентируя вектор авторской интенциональности.

Исходя из концепции целостности национальной культуры, значимым является осмысление стратегий развития и процессов, происходивших не только в литературе метрополии, но и диаспоры. Исследованию ключевых тенденций мифологизирования в литературе русского зарубежья посвящен **третий раздел** диссертационного исследования **«Стратегии мифологизирования и доминантно-репрезентативные мифопоэтические модели прозы русского зарубежья 30-х годов XX века».**

В подразделе **III.1.** – ***«Основные модификации и трансформации мифа о России в прозе первой волны эмиграции»*** – рассмотрен один из ключевых мифов, господствовавших в художественном сознании русских писателей, оказавшихся за пределами своей родины. Показано, что миф о России, вбирая множество «подвижных» модифицированных схем, обнаруживает определенную трансформационную динамику.

В 1920-е годы сильную позицию концепирования личностного и всеобщего бытия занимает апокалиптическая модель. Произошедшее и происходящее с Россией (в контексте религиозно-философских идей «мессианизма», особо характерных для творческого сознания конца XIX – начала XX веков) нередко воспринимается как временное потрясение, испытание, выпавшее на ее долю, доминантным мифокомплексом выступает идея воскрешения России и возвращения русской эмиграции Домой. В 1930-е годы, в связи с очевидной необратимостью перемен в метрополии, утратой иллюзий на восстановление былой России, усиливается трагизм восприятия случившегося, которое расценивается уже не как временное потрясение и испытание, выпавшее на долю родины, а осмысливается как глобальная эсхатологическая *катастрофа.* Углубляется характерная для литературы русской эмиграции оппозиция прошлого – настоящего, нового – старого. Разрабатываются лейтмотивы *прекрасного прошлого, «далекого – близкого»,* детерминированные пространственно-временной конкретизацией, соотносимые с былой Россией – родиной молодости, юности, детства, где аксиологическую доминанту составляют не столько политические ценности (историческое прошлое), сколько духовные. Характерная для русской интеллигенции повышенная рефлексия, восприятие неразделимости личной судьбы и исторической судьбы России повлекли комплекс различных вариативных моделей, среди которых, прежде всего, *миф о России как утраченном Рае.* Намеченный еще литературой 20-х годов (В.В.Набоков), данный миф усиливает свои позиции в прозе 1930-х (И.А.Бунин, И.С.Шмелев, Б.К.Зайцев и др.)

Получает развитие *миф о «легендарной» России.* Восприятие судьбы родины в контексте национально-ментальной, православно-философской традиции (мощно

---

[7] Шолохов М.А. Тихий Дон // Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 т. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т.5.– С.495.

возродившейся в искусстве и философии конца XIX – начала XX веков в произведениях Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, Н.С.Лескова, Н.А.Клюева и др., в трудах В.С.Соловьева, С.Н.Булгакова, Н.А.Бердяева, Н.Ф.Фёдорова, П.А.Флоренского и т.д.) способствует в 1930-е годы дальнейшим поискам этико-эстетических доминант, духовный вектор которых, опираясь на христианские парадигмы Истины, Божьего Промысла, Божьей Благодати, смирения, милосердия, кротости и т.п., будучи обращенным к чувственно-душевному восприятию читателя, продолжает творческую рефлексию о русской душе, ее «крестном» пути-странничестве. Заметна тенденция сакрализации образа России, мифологизация православной Святой Руси (особенно в романах Б.К.Зайцева, И.С.Шмелёва). Возвращение же к духовным истокам православия генерирует идею спасения не только русской души, но всего мира, продуцируя мысль о будущем неизбежном воскрешении. Вариации мифов о России («утраченном Рае» и «легендарной»), сопрягаясь с мировосприятием божественной основы мира, тяготеют к модели гармонии даже в ситуации «послегрехопадного» мира.

Несколько иной вариант модификации мифа о России и ее судьбе в европейской истории сквозь призму философии и морали, изображение подмены и *утраты духовных ценностей* являет трилогия М.А.Алданова «Ключ», «Бегство», «Пещера». Согласно историософской концепции автора подвергается сомнению идея объективности исторических законов (активно насаждаемая идеологией в метрополии). В произведениях Алданова состояние мира детерминировано этико-духовным состоянием общества и человека, в котором писатель выделяет тенденции морального и умственного одичания.

Посвященные судьбам русской интеллигенции в драматических событиях истории, проявляющих характеры людей, романы «Ключ» и «Бегство» сосредоточены на изображении «полной пустоты деятельных жизней», в «Пещере» же авторское внимание сконцентрировано на «пустоте бездействия» представителей русской эмиграции, равнодушие которой не способствует спасению духовной культуры, а, наоборот, являет признаки бездуховности. По мысли Алданова, *не только России, но и всему миру грозит опасность вырождения и гибели;* внешнему хаосу соответствует хаос внутренний – «распад душ».

Литература русского зарубежья 30-х годов XX века являет тенденцию расширения параметров в осмыслении онтологических аспектов бытия человека и мира.

В подразделе **III. 2** реферируемой диссертации – ***«Миф о мире и основные модусы его моделирования в контексте художественного сознания экзистенциального типа»*** – рассмотрено усиление в прозе 1930-х годов эмиграции векторов экзистенциального осмысления бытия и проанализированы характерные мифопоэтические модели и стратегии их функционирования.

Исследование показало, что прозаические произведения Г.В.Иванова, Б.Ю.Поплавского, В.С.Яновского, созданные в 30-е годы XX века, обнаруживают развитие мифопоэтической модели *дисгармонии человека и универсума*, которая вбирает множество мифопоэтических комплексов, индивидуально-авторских модификаций и трансформаций. При несомненной оригинальности и самобытности

каждого художника общим для них выступает доминанта эсхатоцентричного осмысления бытия.

В **III.2.1.** – ***«Мифопоэтические структуры в «Распаде атома» Г.В.Иванова»*** – прослеживается, что в сложной и неоднозначно интерпретируемой критикой «поэме в прозе» писателя структуру модели дисгармонии формирует модификация *эсхатологического мифа* в различных вариациях. Доминантной становится трансформация мифопоэтического контекста, разрабатывающего идею *гибели мира, конца мира без надежды на последующее возрождение*, близкой по своей сути так называемой «атеистической» («обезбоженной») ветви экзистенциальных представлений, которые, в свою очередь, будучи мощным культурогенным фактором эпохи, активно проявляются в творчестве Ж.–П.Сартра, А.Камю и др.

В тексте Иванова развитие и сближение модели эсхатологического мифа с комплексом экзистенциальных идей и мотивов реализуется в метафорически-сгущенном виде и воплощается благодаря образу *мирового уродства*, художественному воссозданию многочисленных «ликов» *смерти*, в которых Танатос, нередко соединенный с Эросом, являет извращение человеческих чувств. Идея непреложности смерти обретает характерный для экзистенциализма статус закономерности.

Благодаря изображению трагически насыщенной и переживаемой личностной экзистенции Иванов фиксирует существование человека в мире тотальной иррациональности, вне установленных моральных законов и табу, напряженно пытающегося понять смысл жизни, делающего выбор между примиренностью с абсурдом и бунтом против бессмыслицы бытия. В результате осознание лирическим героем собственного и шире – человеческого вообще существования приобретает характер «пограничной ситуации». Разрабатываемые в «Распаде атома» мотивы чуждости миру, одиночества, тоски и отчаяния, богооставленности, бессмысленности существования и бунта против тотального абсурда формируют экзистенциальное поле мироощущения героя.

Модификации эсхатологической модели прослеживаются в:

– вариациях старения мира (мотив разложения), всемирного потопа (образы потоков);

– трансформациях апокалиптической темы (поэтика аллюзий и реминисценций; метафизические образы черной пустоты, вечной тьмы, бездны и соответствующие мотивы угасания света, мрака, опустошенности, смерти, развитие которых подчинено принципу градации; комплекс мотивов, передающих экстатические состояния страха, ужаса, жути, боли, мучения человека);

– функционировании модели Хаоса в ее вариативных протосемантиках (восходящих к значениям пустоты, тьмы, мрака, свойствам дезорганизованности, беспорядочности, разъятости элементов и т.д.). При этом в тексте Иванова хаос разъединенного, распадающегося мира сопряжен с душевным хаосом и раздробленным сознанием героя, т.е. охватывает сферы макро- и микрокосма.

Семантико-структурным ядром экзистенциально-эсхатологической модели в «поэме» Иванова выступает *деструкция* универсальной картины мира, приобретающая яркое воплощение благодаря поэтическому варьированию идиомы

распада (человека, мирового порядка, гармонии, всего мира), продуцирующей в тексте функционирование соответствующего структурообразующего лейтмотива. При этом наблюдается характерная для неомифологического искусства XX века тенденция интеграции мифопоэтического пласта с художественным осознанием научных идей, что в «Распаде атома» сказывается в эстетическом осмыслении атомарной теории (и таких ее составляющих, как дискретность материи и делимость самих мельчайших частиц, сложная структура атома и его расщепление). Дискретность, семантически восходящая в «поэме в прозе» к характеристике состояния мира и человека, проявляется и в специфичном конструктивном принципе построения самого текста, разделенного на множество микротекстовых структур, прослеживается в стилевой организации, на уровне языка (где логический «атомизм» сознания героя передается с помощью дискретной структуры фраз, вплоть до «распадения слова» и замещения его звуком). Опираясь на теорию расщепления атома, имеющего заряженную структуру, Иванов создает оригинальную модель мировидения, в которой генератором «взрывчатой силы» предстает *энергия движения души* человеческой, противостоящая душевной статике, бунтующая против абсурдности бытия.

Появлением героя «Распада атома» Иванов фиксирует развитие типа сознания, намечающего отход от традиций классики и Серебряного века с их ориентацией на создание модели художественного Космоса, устремленного к красоте и гармонии. Переосмысливаются ценностные парадигмы, которые еще недавно «питали» культуру: идея мировой души замещается идеей мирового уродства, ставится под сомнение эстетизация красоты, долженствующей «мир спасти»; травестийной трансформации, подчиненной эстетике «глума», подвергается «пушкинский миф»; вводится шокирующий физиологизм как деконструктивный принцип, звучит идея умирания искусства. Художественная рефлексия сосредоточивается на эстетизации страдания как формы экзистенциальной реакции бунта против мирового Хаоса, отображая тектонический «сдвиг», произошедший в сознании человека XX века, глубоко разочарованного в реальности и возможности достижения мировой гармонии в современном мире.

В **III.2.2** – ***«Мифопоэтическая парадигма романа В.С.Яновского «Портативное бессмертие»*** – рассмотрена специфика функционирования мифов о мировом уродстве, болезни бездуховности европейской цивилизации и «творческой» эсхатологии, сопряженной с различными способами и попытками преображения мира и человечества.

Развитие образа мирового уродства в романе Яновского вбирает комплексы семантико-структурных рядов, среди которых одним из основных выступает изображение человеческой экзистенции, подчиненной *механически-инертному существованию,* являющему черты автоматизма, обезличивающей стадности (зооантропоморфный ряд, разрабатываемый на уровне деталей и образно-типологических характеристик). С ним коррелируют семантико-структурные ряды патологии, болезни, смерти, которые функционируют и в прямом, и в переносном смысле, охватывая и сферу физиологии, и сферу души. Характерная двойственность героя совмещает трезвое осознание неуклонного присутствия смерти (подобное у Г.И.Газданова) и отчаянную жажду жизни. Тотальная судьба мира осмыслена

героем как цикл вырождения – возвращения к небытию – затем возрождения к механической повторяемости земного греховного круга существования. Размышления и поступки героев являют попытку отторжения идеи всеобщей обреченности, борьбу за гармонизацию бытия, стремление к достижению бессмертия (активизируется ситуация бунта и свободного выбора). Константная модель дисгармонии коррелирует с моделью преображения, формируя мифопоэтическую полиструктуру романа. Разворачивается испытание идей и различных (антирадикальных и радикальных) способов спасения-преображения мира, их последовательная художественная деконструкция, отображающая абсурдность неистинного существования (как в вариации автоматического, так и навязанного «сверху» *чужой* волей). Пересмотр аксиологических ориентиров продуцирует осмысление, базирующееся на сомнении в возможности спасения мира и человека как извечными (Бог, мораль, искусство, любовь), так и современными (идеи технического преображения) средствами, тщетность достижения не только Абсолютной гармонии, но и самих попыток гармонизации бытия, деструктивную линию в рецепции вечности и бессмертия (что подчеркнуто оксюморонностью концепта, вынесенного в название романа Яновского).

Изображение типа сознания, доминантой которого выступает сомнение, предваряет развитие «постмодернистской чувствительности» в литературе и искусстве XX века.

Специфичное видение сложной душевной жизни человеческого «я» в пределах постоянно изменяющегося сознания, изображение непрекращающегося духовного поиска человеком смысла бытия и собственной экзистенции репрезентирует творчество одного из самых ярких представителей «молодого» литературного поколения русской эмиграции, признанного современниками идеологом русского Монпарнасса, «парижской ноты» – Б.Ю.Поплавского.

В **III. 2. 3.** – ***«Мифопоэтическая составляющая художественной прозы Б.Ю.Поплавского: «Аполлон Безобразов», «Домой с небес»*** – прослежено, что воплощенные в романах писателя идеи богооставленности мира и его горестности, напряженного поиска выхода из сложившегося «греховного» статуса бытия, структурируют поиски-испытания персонажами различных путей духовного освобождения от безнадежности мучительного человеческого существования: христианско-экзистенциального сострадания (Тереза) и бунта (Роберт), стоически-экзистенциального отстраненного созерцания (Безобразов) и т.д. Полярные грани мировосприятия преломляются в разворачивающейся динамике внутреннего мира героев-повествователей Васеньки («Аполлон Безобразов») и Олега («Домой с небес»), являющих полифоническую структуру сознания, в изображении которой прослеживаются прототипичные корреляции «подпольного» человека, «подростка», библейского Иова, страдающего Христа и др. Художественно воспроизводя специфику духовного состояния человека XX века, кардинальный пересмотр ценностных основ индивидуального и всеобщего существования, Поплавский обращается к мировому культурному пласту, произведения писателя насыщены мифокомплексами древнегреческой, римской, египетской, древнегерманской и др. мифологий, «вечными» образами европейской литературы, апелляцией к духовному опыту христианства, буддизма, древних и современных автору философских систем.

Исследователи творчества Поплавского А.Н.Богословский, И.Менегальдо, С.Г.Семенова и др. обращают внимание на полисинкретизм художественного мира писателя, однако, как правило, выделяют генезисный контекст русской (Достоевский) и французской (Лотреамон) литературных традиций. Автор реферируемой диссертации выдвигает и обосновывает гипотезу, что сущностным аспектом создаваемого Поплавским мифа о мире и человеке является художественное переосмысление аполлоновского и дионисийского мифокомплекса античной традиции и идеи об аполлоническом и дионисическом принципах и началах бытия, разработанной Ф.Ницше. Изображая духовное состояние современного человека и специфику его антинонимичного сознания, писатель репрезентирует миф о современном человеке, контаминирующем «аполлоническое» – созерцательно-упорядочивающее и «дионисическое» – жизненно-оргаистическое мироотношения. Непрекращающаяся борьба аполлонических и дионисических принципов, разума и чувства составляет динамику внутреннего мира и экстатических переживаний героев-повествователей Васеньки и Олега.

Синтез аполлонического (символизирующего разум и покой) и дионисического (своеволия и хаоса), «красоты и безобразия» прослеживается в ключевом образе двух романов Поплавского – Аполлоне Безобразове, философская позиция которого покоится на жажде освобождения от жизни-иллюзии благодаря стоически-непоколебимому мыслительному созерцанию человека, находящегося «по ту сторону добра и зла». В романах подобное мироотношение осмыслено автором одновременно в соединении спасительных (защита от мира) и губительных («сон души» – «омут безобразовщины»[8]) функций, варьирующихся в мифопоэтической образности солнца и тени, света и мрака и т.д., прослеживаемых в структуре создаваемого характера, с заметной тенденцией накопления хтонических (пифонических) и люциферических черт.

Создавая миф о парижской «асфальтовой России», уподобляя эмигрантскую жизнь дионисической вакханалии, подчеркивая общность трагической судьбы живущего воспоминаниями и иллюзиями «старшего» и нигилистически настроенного «младшего» поколения диаспоры, Поплавский разрабатывает яркий мифопоэтический образ Орфея в аду, который выступает обобщенным символом русской эмиграции. В размышления о судьбах парижской России вплетается мощный пласт русской культуры, многоголосым трагическим хором звучат реминисценции из «Мертвых душ» Н.В.Гоголя (кибитка и птица-тройка – «эмигрантская кибитка», «шоферская тройка», «душенька-самокатка»), «Преступления и наказания» Ф.М.Достоевского (о «загнанной кляче») и др. Названные реминисценции в прозе Поплавского восходят к условным обозначениям эмигрантской судьбы. В антинонимичном сознании героя-повествователя образ России структурирован также символичным рядом *дева–яблочко–молодость–весна*, который, сопрягаясь с семантикой жизни и молодости, репрезентирует осмысление «младшим» поколением диаспоры собственной мессианской роли в духовном

[8] Поплавский Б.Ю. Домой с небес // Поплавский Б.Ю. Собр. соч.: В 3-х т. – М.: Согласие, 2000. – Т.2. – С.338.

возрождении России. При этом в не лишенной надежды «парижской ноте» все же преобладает чувство горестной бесприютности.

Прослеживается семантическое расширение устойчивого в литературе русской эмиграции мотива «бездомья» (отсутствия Дома), семантика которого в прозе Поплавского соотносима не только с чужбиной, но и шире – с домом–Землей (что подтверждается символикой названия произведения «Домой с небес», где попытка обретения Дома – земной радости бытия завершается разочарованием героя, ощущающим бездонное одиночество), в философском контексте обоих романов черты «бездомья» обретает экзистенция человека в мире.

Анализ романов Поплавского позволил обнаружить аксиологические проекции авторского сознания, осмысливающего глубинную сущность человеческой жизни как непрекращающийся процесс духовного странствия, выраженный на метафорическом уровне в идиоме путешествия «домой с небес» и «с земли на небо» – от аполлонической созерцательной волевой отрешенности к дионисическому жизнеопьяняющему хаосу земных страстей и переживаний, и наоборот, – в ходе которого странствующая душа претерпевает множество превращений (от распадения на многие «я», вплоть до расподобления личности до «Ничто–Никогда–Никто»[9], осмысливающей себя вне времени, истории, памяти и т.д.). Обнаруживая своеобразную корреляцию векторов европейской и русской традиций, авторская интенция не исключает возможность обретения внутренним миром человека духовного Дома при условии возвращения к моральным основам. В данном контексте полисемантическая символика названия «Домой с небес» соотносима с мыслью о необходимости одухотворения бытия и человеческой экзистенции, метафорически воплощенной в идее возвращения Бога – «с небес» – «на землю», своеобразного духовного пришествия, привнесения ценностного начала, способного наделить смыслом существование.

Художественно переосмысливая характерную тенденцию времени, господствовавшее в умах современников «леденящее европейское барство»[10] – нигилистическое мировосприятие ницшеанского типа, проза Поплавского репрезентирует напряженный поиск аксиологических перспектив. Авторское сознание являет энергию надежды на неизбывное созидательное начало жизни. Процесс «сотворения себя», бесконечный духовный поиск человеком своего предназначения составляет, по мысли писателя, основное содержание человеческой жизни и конституирует философское кредо Поплавского.

В **«Выводах»** подведены результаты исследования.

Рассмотрение русской литературы метрополии и диаспоры одного из наиболее драматичных периодов – 1930-х годов – являет функционирование разнонаправленных мифологизирующих потоков и соответствующих стратегий, тенденций, комплексов доминантных мифов, процессов трансформаций и креаций новых моделей, сопряженных с эстетическим поиском, динамикой стилевых систем.

---

[9] Поплавский Б.Ю. Домой с небес // Поплавский Б.Ю. Собр. соч.: В 3-х т. – М.: Согласие, 2000. – Т.2. – С.312, 339.

[10] Там же. – С.321.

Активизация мифотворческих процессов в литературе 30-х годов метрополии, испытывавшей давление государственной политики на искусство, навязывание идеологической доктрины сказалось, с одной стороны, в выработке эстетического канона утверждающейся советской мифологической системы, ориентированной на массовое, коллективное сознание, и, с другой стороны, в оппозиционированном развитии эстетических исканий, соотнесенных с индивидуально-авторским мифологизированием, креацией персональных мифопоэтических моделей универсума, созданием романов-мифов (что в контексте рассматриваемого периода наиболее ярко выразилось в творчестве А.П.Платонова и М.А.Булгакова).

Литература социалистической ориентации 1930-х годов обнаруживает тенденцию ослабления характерного для искусства предшествующего десятилетия эсхатоцентричного вектора мифологизирования (где начало истории и ее настоящее знаменует борьба за уничтожение Старого мира), и являет усиление космоцентризма. Доминирующей становится модель созидания-*строительства* Нового мира гармонии, сущностной выступает мифологема жизнестроительства, счастливого Дома (тяготеющего в своей семантике к масштабному осмыслению Дом – Советская Родина – СССР). В изображении процесса гармонизации бытия благодаря усилию творческой энергии масс, сильную позицию занимает мифологема преображения, миф о советском народе и человеке – творце, демиурге, герое, победителе пространства и времени. Как и в 1920-е годы, в 1930-е продуктивными выступают мифологемы борьбы, подвига, самопожертвования, однако наблюдаются определенные трансформационные смещения смысловых аспектов: во-первых, данные мифологемы все чаще обретают контуры *трудового* сражения, битвы и т.д.; во-вторых, конкретизируется образ врага, представленного единичными «обломками» старого мира, которые ведут скрытую деструктивную работу по дисгармонизации бытия, но в результате обречены на поражение.

Художественная стратегия социалистически ориентированной литературы 30-х годов XX века продуцирует создание эстетического канона, нацеленного на тиражирование комплекса основных идеологических мифов, креацию условного мира, пропагандирующего социалистический идеал, и в своей функциональной роли направленного на воспитание и утверждение формы коллективно-мифологического сознания.

Динамика трансформационных процессов в русской литературе 1940-х годов обнаруживает генерализирующую стратегию расширения и углубления ценностно-онтологической семантики, связанной с сакральной защитой витального начала, родного Дома, Матери-Земли, Родины, Мира, объединяющую творчество писателей разной эстетической направленности.

В 1930-е годы, несмотря на усиление позиций в метрополии соцреалистического канона и запрет произведений, которые не вписываются в его рамки, создаются «вершинные» произведения Платонова и Булгакова, полигенетичный и гетерогенный художественный мир которых, продлевая традиции модернистской классики, подвергает художественной деконструкции космоцентричную модель, замещая ее эсхатоцентричной. Разрабатываемый писателями принцип семантики «возможных миров» продуцирует возможность возрождения, осуществления мира гармонии при условии возвращения к вечным

универсалиям – непреходящим человеческим духовным ценностям, выстраивая традиционную для русской литературы аксиологически центрированную духовную вертикаль (в индивидуально-авторском мифе Платонова воплощенную благодаря творческой модификации национального мифа о Китеже, контаминированном с научными идеями космистов и Н.Ф.Фёдорова; в авторском мифе Булгакова – реализованную благодаря мифологеме Вечного Дома – духовного пространства, наполненного подлинным творчеством и любовью).

Явленное в XX веке обновление литературы реалистической направленности, активно взаимодействующей с различными стилевыми системами, но сохраняющей свою мимезисную природу, обнаруживает углубление корреляций бытийственного и исторически-конкретного, тяготение к универсализму, где не последнюю роль выполняет апелляция к мифопоэтическим пластам мировой культурной (М.Горький) и народно-национальной (М.А.Шолохов) традиций. Осмысляя историческую динамику эпохи, авторы «Жизни Клима Самгина» и «Тихого Дона», репрезентируя миф о России «на переломе», моделируют художественную картину «пошатнувшегося мира», в котором человеческая трагедия сопряжена с утратой нравственных опор, потерей истинных аксиологических ориентиров. Последние в мировоззренческой системе Горького соотнесены с идеалом «прометеистского человека», в творческом сознании Шолохова центрированы извечными сакральными константами народного бытия (Земля, Дом, мир). В обоих произведениях изображаемые характерные процессы эпохи, не соответствующие авторскому высокому идеалу, репрезентируют картину дисгармоничного состояния мира, осмысленную в масштабах эпохальной трагедии.

Литература русского зарубежья 30-х годов XX века, представленная творчеством идейно и эстетически разнонаправленных писателей, репрезентирует специфичные мифокомплексы, среди которых доминантным видится миф о России, разрабатываемый в различных вариациях: 1) России «легендарной»; православной Святой Руси; России – утраченного Рая и т.д. (являющих общую тенденцию мифологизации и сакрализации прекрасного прошлого – произведения И.А.Бунина, И.С.Шмелёва, Б.К.Зайцева и др.); 2) России эмигрантской, где с особой силой актуализируется трагедия изгнанничества, горестности эмигрантской судьбы, крестного пути-странничества русской души в «чужом» и чуждом мире (в той или иной степени практически у всех писателей как «старшего», так и «младшего» поколения диаспоры). В литературе русского зарубежья 1930-х годов все настойчивее звучит идея сохранения, сбережения русской культуры. Обретение родины в глубинных пластах русской духовной культуры являют «Богомолье», «Лето господне» И.С.Шмелёва, «Путешествие Глеба» Б.К.Зайцева и др.

Литература диаспоры 1930-х годов обнаруживает расширение масштабов в осмыслении онтологических аспектов бытия человека и мира.

В 1920-е годы большинство представителей изгнания в происходящих исторических потрясениях усматривало, как правило, гибель России – «своего» мира, вбирающего многообразный комплекс понятий: русской культуры, интеллигенции и т.д., то есть мир в основном был центрирован и персонифицирован Россией. Сильную позицию занимало противопоставление Россия – Запад, «свое» – «чужое», дом – антидом. В 1930-е годы, оппозиционарность хотя и не исчезает

(«Юнкера», «Жанета» А.И.Куприна), но все же четкая поляризация несколько ослабевает, обнаруживая тенденцию корреляции, где смысловая валентность с течением времени усиливает семиотику «чужого» – «новой России» и Запада, который из осмысления его как *временного* пристанища, воспринимается уже как место *постоянной* бесприютности. Актуализируется мысль об угрозе тотальной *гибели всего мира*, *общем* процессе дегуманизации. Концепцию общности истории Европы и России, корреляцию мифов о России и Западе в контексте единой мировой судьбы, заката современной цивилизации и постепенной деградации человечества отражает трилогия М.А.Алданова «Ключ», «Бегство», «Пещера», в которой на условно-метафорическом уровне разрабатывается мифологема возвращения к доисторическим, первобытным временам и намечается идея спасения, заключающаяся в неустанной работе по улучшению человеческого духа (амбивалентная символика пещеры в семантике духовного одичания и бесконечного поиска духа – не без влияния идей Платона, его метафоры пещеры («Государство», книга VII)).

При всем разнообразии модификаций мифопоэтических модусов в прозе русского зарубежья 1930-х годов условно выделяются: космоцентричный вектор мифологизирования (ориентированный на создание модели гармонии, соотносимый с осмыслением мифа о легендарной России и ее возможного воскрешения, идеей мессианизма русской культуры и т.д.) и эсхатоцентричный вектор (восходящий к модели дисгармонии универсума, идее гибели мира и человека), получивший плодотворное развитие в литературе экзистенциализма XX века.

Литература русского зарубежья 1930-х годов являет углубление художественного мышления экзистенциального типа, ярко представленным прозой «младшего» поколения диаспоры. В «Распаде атома» Г.В.Иванова, «Портативном бессмертии» В.С.Яновского, «Аполлоне Безобразове» и «Домой с небес» Б.Ю.Поплавского разрабатывается миф о мировом уродстве и болезни бездуховности человечества, являющего признаки аморализма (Иванов, Яновский, Поплавский), нередко – механически-инертного, автоматического существования (Яновский, Иванов), европейского «нигилизма» (Поплавский). Ключевыми выступают мотивы богооставленности (Иванов, Поплавский) и разъятости аксиологически децентрированного мира, раздробленности человеческого сознания и распада душ (Иванов, Поплавский, Яновский). Осмысление абсурдности неистинного существования продуцируют напряженные поиски-испытания героями различных путей освобождения от безнадежности мучительного человеческого удела, формируя ситуацию экзистенциального бунта в его различных проявлениях: ухода из жизни – отказа героя быть частью тотального абсурда («Распад атома» Г.В.Иванова); попытки насильственного преображения мира и человечества («Портативное бессмертие» В.С.Яновского); непрекращающегося процесса «сотворения себя» в бесконечно возобновляемой ситуации выбора, диапазон которого колеблется от переживания сопричастности дионисически-земному миру до аполлонического «небожительства» – отстраненной позиции безучастного созерцания трансцендентного бытия («Аполлон Безобразов», «Домой с небес» Б.Ю.Поплавского).

В литературе русского зарубежья 1930-х годов, пристальный интерес к «внутреннему человеку», художественное изображение его экзистенциальной рефлексии, обнаруживая сближение с поэтической техникой потока сознания, не утрачивает генетической связи с русской культурой, полифонией решения и экстатического переживания «проклятых вопросов», что, безусловно, позволяет говорить о динамике развития прозы диаспоры, ориентированной на сохранение, продление национальных традиций, продолжающей поиск этико-эстетических ориентиров и, в то же время, являющей стратегию интеграции литературы эмиграции в общий процесс развития мирового искусства.

Исследованные в диссертации тенденции мифологизирования позволили обобщить основные сходства и отличия эстетически разнонаправленных потоков русской прозы 30-х годов XX века. Если в социалистически ориентированной литературе метрополии доминантное положение обретает мифопоэтический комплекс рая на земле, то в произведениях Платонова, Булгакова, писателей русского зарубежья нередко акцентирована модель земного ада. Если соцреалистический канон сакрализирует будущее и секуляризирует прошлое (за исключением пантеона своих героев), то литература русской эмиграции сакральным статусом наделяет именно прошлое. Однако сближаются обе позиции в мысли о необратимости времени, безвозвратной утрате прошлого. Модель возвращения, непродуктивная в прозе социалистической направленности, особо плодотворно функционирует в литературе изгнания, являя философское осмысление – возвращение к вечным универсальным духовным ценностям человеческого бытия. Подобную семантизацию модели возвращения репрезентирует проза 30-х годов А.П.Платонова и М.О.Шолохова.

Объединяет мифопоэтические сферы прозы русского зарубежья и метрополии вне соцреалистического канона также нередкая апелляция к мифопоэтической модели дисгармонии (нередко Хаоса) мира и изображение антиномичного человеческого сознания. Сильную позицию занимают коррелирующие мотивы:

– опустошенности индивидуума и пустоты мира в результате потери истинного существования (Горький, Платонов, Иванов, Яновский и др.);

– распада различного рода связей: с землей, родиной, миром, людьми и т.д., нередко намечающих процесс распада души (Иванов, Яновский, Поплавский и др.);

– пути (в вариациях): блуждания, странствия-скитальчества, странствия – духовного поиска, хождения по мукам и т.д. (в том или ином варианте практически у всех авторов).

В разных семантических контекстах выступает мифологема Дома у А.П.Платонова, М.А.Булгакова, М.А.Шолохова, Б.Ю.Поплавского и др. В литературе диаспоры и метрополии вне соцреалистического канона зачастую фиксируется ситуация временного приюта – Антидома, бесприютности, отсутствия Дома, что объединяет мифопоэтические миры эстетически разнонаправленных писателей и репрезентирует художественное переживание трагедии человека в катастрофичном XX веке, нередко осмысленной в контексте изгнаннической (писатели русского зарубежья), национальной (Шолохов, художники диаспоры), общечеловеческой судьбы (Алданов, Иванов, Яновский и др.).

Национальное своеобразие русской литературы ярко проявляется, во-первых, в активности обращения к мифу, что обусловлено, как представляется, и особенностями национального характера, по Ф.М.Достоевскому, бьющегося над разрешениями «мировых вопросов»; во-вторых, в доминировании в художественном мире русской литературы эсхатологической модели, что отчасти объясняется условиями функционирования русской литературы в ситуации общественной несвободы; в-третьих, в обращении к национальным мифам и мифологемам.

В XX веке возникновение новой картины мира, взаимодействие литературы с другими сферами человеческой культуры способствовали использованию особых приемов моделирования, основанных на синтезе универсальных мифопоэтических структур с художественным переосмыслением научных идей (философии Н.Ф.Фёдорова – в прозе А.П.Платонова, философской системы Ф.Ницше – в романах Б.Ю.Поплавского, физической теории атома и его расщепления – в «поэме» Г.В.Иванова и т.д.), отражая одну из специфичных особенностей литературы, интегрирующей различные грани человеческого бытия.

Актуализация в прозе 1930-х годов метрополии и русской эмиграции полигенетичных, гетерогенных, метакультурных мифопоэтических структур и комплексов, их модификации и трансформации являют тенденцию усложнения типов художественного сознания, наглядно демонстрируя многовекторность эстетических поисков в динамике развития литературы XX века.

Дескрипция мифотворческих стратегий и их конститутивных признаков, процессов дифференциации и синтеза мифологизирующих потоков литературы метрополии и диаспоры XX века как дальнейшая перспективная проблема исследования способствует осмыслению во-первых, русской литературы в контексте ее целостности; во-вторых, углубляет представление о специфике развития «русской версии» в контексте неомифологических устремлений мирового искусства.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Корниенко О.А. Мифопоэтическая парадигма русской прозы 30-х годов XX века: Векторы эстетического поиска в литературе метрополии и зарубежья: Монография. – К.: Логос, 2006. – 332 с.

Рецензії: Заярная И.С. Мифический модус русской прозы 30-х годов XX века // Русская литература. Исследования: Сб. научн. трудов. – Вып. X. – К.: БиТ, 2006. – С.318–319; Высоцкий А. Мифопоэтическая парадигма русской прозы первой трети XX века как литературоведческая проблема (рецензия на монографию О.А.Корниенко «Мифопоэтическая парадигма русской прозы 30-х годов XX века: Векторы эстетического поиска в литературе метрополии и зарубежья») // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXXV. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2006. – С.93–94; Оляндер Л. Феномен міфотворчого космогенезу в російській літературі 30-х років XX століття // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Літературознавство. – 2007. – № 1(21). – С.318–322.

2. Корниенко О.А. Солярная и лунарная символика в романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XII. – Херсон: Айлант, 2001. – С.146–150.

3. Корниенко О.А. Парадигмы художественного мышления Д.Хармса и И.Иртеньева (К вопросу о типологической общности) // Русская литература. Исследования: Сб. научн. трудов. – Вып. IV. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2003. – С.145–155.
4. Корниенко О.А. Символика природных объектов в контексте мифопоэтических традиций и христианских реминисценций в романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXIV. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2004. – С.68–74.
5. Корниенко О.А. Модификации мифологических мотивов в «народных рассказах» Л.Н.Толстого и «Котловане» Андрея Платонова // Русская литература. Исследования: Сб. научн. трудов. – Вып. V. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2004. – С.148–157.
6. Корниенко О.А. Константные мифологические модели в повести Андрея Платонова «Котлован» // Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. – № 632. Серія Філологія. – Вип. 42. – Харків, 2004. – С.359–363.
7. Корниенко О.А. Элементы славянской мифопоэтики и их трансформация в образной структуре повести А.Платонова «Котлован» //Літературознавчі студії: Зб. наук. праць. – Вип. 10. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2004. – С.150–155.
8. Корниенко О.А. Моделирование художественного пространства в индивидуально-авторском мифе Андрея Платонова (статья первая) // Літературознавчі студії: Зб. наук. праць. – Вип. 11. – К.: Видавничій Дім Дмитра Бураго, 2004. – С.224–230.
9. Корниенко О.А. Моделирование художественного пространства в системе индивидуально-авторского мифа Андрея Платонова (статья вторая) // Русская литература. Исследования: Сб. научн. трудов. – Вып. VI. – К.: Логос, 2004. – С.182–189.
10. Корниенко О.А. «В поисках сокровенного»: Модификация легендарно-мифологической традиции в романе А.Платонова «Чевенгур» // Русская литература. Исследования: Сб. научн. трудов. – Вып. VII. – К.: Логос, 2005. – С.260–271.
11. Корниенко О.А. Трансформации архетипов в творчестве А. Платонова (на материале повести «Котлован») // Література в контексті культури: Зб. наук. праць. – Вип. 14. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 2004. – С.148–155.
12. Корниенко О.А. Миф о Китеже в истории русской культуры: генезис и трансформация // Літературознавчі студії: Зб. наук. праць. – Вип. 12. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. – С.266–271.
13. Корниенко О.А. Функционирование мифического модуса и проблема динамики культуры // Русская литература. Исследования: Сб. научн. трудов. – Вып. VIII – К.: Логос, 2006. – С.62–70.
14. Корниенко О.А. Мифопоэтика: аспекты изучения проблемы в современном литературоведении // Вісник Київського славістичного університету. – К.: КСУ, 2005. – № 25. – С.17–22.
15. Корниенко О.А. Стратегии мифотворчества Андрея Платонова // Література в контексті культури: Зб. наукових праць. – Вип. 15. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 2005. – С.209–219.
16. Корниенко О.А. «Распад Атома» Георгия Иванова: Модификации эсхатологического мифа (статья первая) // Літературознавчі студії: Зб. наук. праць. – Вип. 14. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. – С.179–182.
17. Корниенко О.А. «Распад Атома» Георгия Иванова: Деструкция универсальной картины мира (статья вторая) //Русская литература. Исследования: Сб. научн. трудов. – Вып. IX – К.: Логос, 2006. – С.23–34.
18. Корниенко О.А. Классификационная система мифопоэтических моделей и критерии их вычленения // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. – XXXII. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2006. – С.37–41.
19. Корниенко О.А. Мифопоэтическая парадигма прозы А.И.Куприна («Жанета», «Юнкера») // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету: Філологічні науки. – Вип. 12. – Том 2. – Кам'янець-Подільський: Абетка-НОВА, 2006. – С.48–61.

20. Корниенко О.А. «Распад атома» Георгия Иванова: Модель дисгармонии человека и универсума // Русская литература. Исследования: Сб. научн. трудов. – Вып. X. – К.: БиТ, 2006 – С.182–191.
21. Корниенко О.А. «Мир «покоя»: структура модели гармонии в индивидуально-авторском мифе М.Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита») // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXXIV. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2006. – С. 33–40.
22. Корниенко О. А. Мифопоэтическая составляющая демонологической образности в романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. Вип. XXXV. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2006. – С.34–39.
23. Корниенко О.А. Мифический модус социалистически ориентированной литературы 30-х годов XX века // Питання літературознавства: Науковий збірник /Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича. – Вип. 72. – Чернівці: Рута, 2006. – С.157–170.

Дополнительные публикации:

24. Корниенко О.А. «...Так кто же ты, наконец?»: Воланд в романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2001. – № 1. – С.13–18.

АНОТАЦІЯ

Корнієнко О.О. Генеза і трансформація міфопоетичних парадигм у російській прозі 30-х років XX століття. – Рукопис.

Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук зі спеціальності 10.01.02 – російська література. – Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – Київ, 2007.

У дисертації вперше системно висвітлено семантико-структурну і функціональну специфіку, стратегії та тенденції міфологізування на базі комплексного вивчення зрізів багатовекторних міфотворчих потоків прози метрополії та діаспори 30-х років XX століття. Запропоновано класифікацію базових міфопоетичних моделей, яка враховує різноманітні критерії їх систематизації.

У співвідношенні з динамікою стильових пошуків, які спостерігаються в мистецтві цього періоду, охарактеризовані основні комплекси домінантно-репрезентативних міфопоетичних моделей, їх структурно-семантичні модифікації та трансформації. На основі усвідомлення технології та поетики креацій міфологізованої текстової дійсності, розширено уяву про специфіку міфотворчого космогенезу як у літературі розглянутого періоду в цілому, так і в створюваних індивідуально-авторських системах зокрема. Виявлено подібності та відмінності векторів і орієнтирів міфологізування у літературі метрополії та зарубіжжя 30-х років XX століття. Доведено функціонування міфопоетичних структур і принципів моделювання, які досі не висвітлювалися в науковій рецепції творчості конкретних авторів (специфіка моделювання семантики можливих світів в прозі А.П.Платонова і М.А.Булгакова, структуруюча функція Кітезького мифокомплекса в романі-міфі Платонова, певні спостереження з міфопоетичної символіки в романі-міфі Булгакова, художнє усвідомлення атомної теорії в "Розпаді атому" Г.В.Іванова, послідовна деконструкция моделі перетворення в романі В.С.Яновського, втілення і трансформація ніцшеанського міфокомплексу в прозі Б.Ю.Поплавського тощо).

Базуючись на аналізі художніх структур у поєднанні з розглядом аксіологічних проекцій авторських інтенцій, запропоновані корекції та нові

інтерпретації певних ідейно-естетичних контекстів творів. Описано міфологічний код російської прози 30-х років XX століття.

Ключові слова: міф, неоміфологізм, міфопоетична парадигма, модель, генезис, трансформація, модифікація, індивідуально-авторський міф.

АННОТАЦИЯ

Корниенко О.А. Генезис и трансформация мифопоэтических парадигм в русской прозе 30-х годов XX века. – Рукопись.

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.02 – русская литература. – Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко. – Киев, 2007.

В диссертации впервые системно исследована семантико-структурная и функциональная специфика, стратегии и тенденции мифологизирования на основе комплексного изучения срезов разновекторных мифотворческих потоков прозы метрополии и диаспоры 30-х годов XX столетия. Предложена классификация мифопоэтических моделей, учитывающая различные критерии их систематизации.

В соотношении с динамикой эстетических поисков, наблюдаемых в искусстве 30-х годов XX века, охарактеризованы основные комплексы доминантно-репрезентативных мифопоэтических моделей, их генезис, структурно-семантические модификации и трансформации в литературе реализма и модернизма.

На основе осмысления технологии и поэтики креации мифологизированной текстовой действительности, расширено представление о специфике мифотворческого космогенеза как в литературе рассматриваемого периода в целом, так и в создаваемых индивидуально-авторских системах в частности. Выявлены сходства и различия векторов и ориентиров мифологизирования в литературе метрополии и зарубежья рассматриваемого периода. Доказано функционирование определенных мифопоэтических структур и принципов моделирования, ранее не освещавшихся в научной рецепции творчества конкретных авторов (специфика моделирования семантики «возможных миров» в прозе М.А.Булгакова и А.П.Платонова 1930-х годов, конкретные наблюдения над мифопоэтической символикой в романе-мифе Булгакова, структурирующая функция китежского мифокомплекса в романе-мифе Платонова, художественное переосмысление атомарной теории в «Распаде атома» Г.В.Иванова, последовательная деконструкция модели преображения в романе В.С.Яновского, переосмысление ницшеанского мифокомплекса в прозе Б.Ю.Поплавского и т.д.). Исходя из текстологического анализа художественных структур, сопряженного с рассмотрением аксиологической проекции авторской интенциональности, предложены некоторые уточнения и корректировки интерпретаций, касающихся определенных идейно-эстетических контекстов произведений, бытующих в научной рецепции. Выявлен мифологический код русской прозы 30-х годов XX века.

Исследованные тенденции мифологизирования позволили обобщить основные сходства и отличия эстетически разнонаправленных потоков русской прозы 30-х годов XX века. Если в социалистически ориентированной литературе метрополии

доминантное положение обретает мифопоэтический комплекс рая на земле, то в произведениях А.П.Платонова, М.А.Булгакова, писателей русского зарубежья нередко акцентирована модель земного ада. Если соцреалистический канон сакрализирует будущее и секуляризирует прошлое (за исключением пантеона своих героев), то литература русской эмиграции сакральным статусом наделяет именно прошлое. Однако сближаются обе позиции в мысли о необратимости времени, безвозвратной утрате прошлого. Модель возвращения, непродуктивная в прозе социалистической направленности, особо плодотворно функционирует в литературе изгнания, являя философское осмысление – возвращение к вечным универсальным духовным ценностям человеческого бытия. Подобную семантизацию модели возвращения репрезентирует проза 30-х годов Платонова и Шолохова.

Объединяет мифопоэтические сферы прозы русского зарубежья и метрополии вне соцреалистического канона также нередкая апелляция к мифопоэтической модели дисгармонии (нередко хаоса) мира и изображение антиномичного человеческого сознания. Сильную позицию занимают мотивы: опустошенности индивидуума в результате потери истинного существования (М.Горький, А.П.Платонов, Г.В.Иванов, В.С.Яновский и др.); пустоты мира (Платонов и рассмотренные произведения писателей экзистенциального типа); пути (в вариациях): блуждания, странствия-скитальчества, странствия – духовного поиска, хождения по мукам и т.д. (в том или ином варианте практически у всех авторов).

В разных семантических контекстах выступает мифологема Дома у А.П.Платонова, М.А.Булгакова, М.А.Шолохова, Б.Ю.Поплавского и др. В литературе диаспоры и метрополии вне соцреалистического канона зачастую фиксируется ситуация временного приюта – Антидома, бесприютности, отсутствия Дома, что объединяет мифопоэтические миры эстетически разнонаправленных писателей и репрезентирует художественное переживание трагедии человека в катастрофичном XX веке, нередко осмысленной в контексте изгнаннической (писатели русского зарубежья), национальной (Шолохов, художники диаспоры), общечеловеческой судьбы (М.А.Алданов, Г.В.Иванов, В.С.Яновский и др.).

Актуализация в прозе 30-х годов метрополии и русской эмиграции полигенетичных, геторогенных, метакультурных мифопоэтических структур и комплексов, их модификации и трансформации являют тенденцию усложнения различных типов художественного сознания и наглядно демонстрируют многовекторность эстетических поисков в динамике развития художественной литературы XX века.

Ключевые слова: миф, неомифологизм, мифопоэтическая парадигма, модель, генезис, трансформация, модификация, индивидуально-авторский миф.

SUMMARY

Korniienko O.A. The Genesis and Transformation of mytho-poetical Paradigms in Russian Prose during the 1930s. – Manuscript.

Thesis for the Degree of a Doctor of Science in Philology in the specialty 10.01.02 – Russian literature. – National Taras Shevchenko University of Kyiv. – Kyiv, 2007.

The present dissertation highlights, for the first time, the semantic-structural and functional specifics, strategies and tendencies of the mythologization on the basis of a complex investigation into the layers of the multi-vectorial myth-making streams of the metropolitan and diaspora prose of the 1930s. In the present thesis, there is also offered a classification of mytho-poetical models, in view of different criteria of their systematization.

In correlation with dynamics of aesthetic searches, observable in the arts of the third decade of 20th century, the basic complexes of dominating-representative mytho-poetical models, as well as their genesis, and structurally-semantic modifications and transformations in the literature of realism and modernism are being characterized.

On the basis of a consideration of the procedure and poetics of the creation of the mythological text-reality, a conception of the specifics of the mytho-creative genesis is developed for both the literature of the examined period, on the whole, and the created individually-author's systems, in particular. Similarities and distinctions of the vectors and reference points of mythologization in the literature of Russia and emigration of the examined period are demonstrated. It is proven that there operated certain mytho-poetical structures and principles of modelling, which had not been highlighted in the scholarly reception of the artistic output of certain authors (the specific of the modelling of the semantics of possible worlds in the prose of M.A.Bulgakov and A.P.Platonov of the 1930s, concrete observations of the mytho-poetical symbolism in the novel-myth of Bulgakov, the structuring function of the "Kitezh" mytho-complex in the novel-myth of Platonov, the artistic re-interpretation of the atomic theory in «Decay of the Atom» by G.V.Ivanov, the consistent deconstruction of the transformation in the novel of V.S.Yanovsky, the rethinking of the Nietzschean mytho-complex in the prose of B.Yu.Poplavsky etc).

Based on textual analysis of artistic structures, combined with an examination of the axiological projection of the author's intentionality, some clarifications and corrections are proposed of interpretations that refer to certain ideological-aesthetic contexts of these works that are present in scholarly reception. The mythological code of Russian prose of the 1930s is identified.

Key words: myth, neo-mythologism, mytho-poetical paradigm, model, genesis, transformation, modification, author's myth.

Підписано до друку 20.03.2007. Формат 60x84 1/16
Гарнітура Times. Папір офсетний.
Друк офсетний. Наклад 100. Ум. друк. арк. 1,9. Зам. № 27-3821

Надруковано у Видавничо-поліграфічному центрі "Київський університет"
01601, Київ, б-р Т. Шевченка, 14, ☎ 239 3128
Свідоцтво внесено до державного реєстру ДК № 1103 від 31.10.02.